

РОМАН РАЗЛАДОВ

18+

**ТВОЙ СТРАХ
СВЕТЛЕЕ ТЕМНОТЫ**

Роман Разладов

Твой страх светлее темноты

<https://litres.ru/74040728>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы победить своих демонов страха, Лине нужно разобраться в загадочных обстоятельствах гибели отца. В семейном архиве имеются две истории, странным образом перекликающиеся с её собственной жизнью: записки предка из начала двадцатого века и дневник отца из начала девяностых годов.

Чем глубже она погружается в тайны семьи, тем сильнее стирается граница между прошлым и настоящим.

За архивом отца начинается охота. Три пласта времени сольются в финале, оставив героиню один на один с выбором, который может изменить всё...

Содержание

Пролог	4
Часть I. Эпизод первый	13
Часть первая	13
ЭРОС	13
Эпизод второй	18
Эпизод третий	31
Эпизод четвёртый	41
Эпизод пятый	55
Эпизод шестой	68
Эпизод седьмой	82
Эпизод восьмой	95
Эпизод девятый	109
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Роман Разладов

Твой страх светлее темноты

Пролог

...состоялось торжественное открытие памятника.

Когда с пьедестала сорвали материю,

горожане увидели надпись:

«Достоевскому от благодарных бесов».

1917 год. Петроград. Показания свидетеля

Великий Князь сохранял невозмутимое хладнокровие, словно знал всё наперёд.

Мужик почти достиг ворот. Собака перестала лаять и вдруг завыла — протяжно, отчаянно.

Раздались выстрелы — один, второй. Беглец замер, неловко вскинул правую руку. Третий выстрел. Все пули с сатанинской точностью поразили его в спину. Мужик рухнул на снег. Вдалеке завыла ещё собака, потом ещё. Мне сделалось жутко. Три пса хором затянули поминальную молитву. Они выли столь громко, что я слышал их даже здесь, при наглухо закрытых окнах.

«Какой кровавый и пошлый фарс», — подумал я в тот мо-

мент.

Потом медленно оборотил голову и расстегнул ворот рубашки. Как вдруг — что за морок? Какое-то... безумие, нелепость. В зеркале возникла Огненная Дама: распущенные волосы, лукавая улыбка, нос с горбинкой, чувственные губы. Одета в лазоревое платье с белой тесьмой — красивая... шельма. Живые зелёные глаза.

Я снова повернул голову к окну и прижался лбом к студёному стеклу, покрытому морозными узорами. Белый сверкающий снег, гладкий... будто подмости. Аплодисментов не будет. Всё кончилось.

Занавес.

На снегу лежал Святой Чёрт, соединивший молитву с грехом. Он был мёртв. Великий Князь помахал белой перчаткой, автомобиль «чихнул» и уехал прочь. Слуга спешно запер ворота.

Вы спрашивали: «Кто именно пристрелил Мужика?»

Когда он сделал третий выстрел, я успел рассмотреть его. Вы — первый человек, которому я рассказываю о случившемся. Атлантида затонула, прошло четыре месяца. Теперь события той ночи мало кого интересуют, а мне вдруг страстно захотелось обнажить душу.

Итак...

Стрелок был в чёрной одежде — видимо, в плаще. Характерная деталь — стоячий ворот, кажется, с пурпурной подкладкой. Точно запомнил, что его голову укрывал башлык,

тёмный, почти сливавшийся с плащом.

Passion. Obsession. Arrogance.

Всё так, мой друг, всё так: страсть, одержимость, высокомерие.

1991 год. Уже не Ленинград. Показания свидетеля

Остановился я чего-то. Фальков у зеркала причёску поправлял. Вдруг — два выстрела подряд: первый, второй. Я головой завертел. Гангстер на полу, быки прижали его. Еврей, как и я, опешил — глаза вытаращил, замер.

Третий выстрел.

Я увидел Фалькова. Он сделал несколько неровных шагов к сцене... потом рухнул на пол. У меня челюсть отвисла. В коридоре какие-то девахи завизжали, потом кто-то закричал: «Стреляют!» Мне бы бежать... в гримёрку юркнуть, как суслику в нору, а мне будто всё фиолетово. Замер, как чучело, только рот раззявил. Ну и увидел.

Тип какой-то странный мелькнул в конце коридора, у лестницы. Весь в чёрном, с головы до ног. Мелькнул и пропал.

Смотрю я, значит, на лестницу, где этот чёрный незнакомец скрылся, и всё так же двинуться не могу. Как рыба замороженная. «Влип, — думаю, — хоть ругайся, хоть плачь».

Гангстер пропал, еврей и бычары тоже исчезли. Выстрелы кончились, люди начали потихоньку у тела Фалькова кучковаться... Потом его утащили куда-то. Дальше такая каша за-

варилась — чума. В коридоре народу столько набилось, что меня будто волной снесло, закрутило и потащило, как щепку в бурном потоке. Встретил, значит, Попрыгунчика, лысого Продюсера. Люди паникуют: кто-то кричит, там плачут, кто-то петь начал — дурдом, безумие. Бред, ну бред какой-то!

Я сказал Попрыгунчику:

— К зеркалу он пошёл. А потом в него пули полетели.

Заново развернулся к тому зеркалу и вдруг увидел в нём Рыжую Бабу в каком-то странном платье — голубом, с белыми кружевами. Потом — хоп! — растворилась она на зеркальной глади, словно Атлантида, которая резко уходит на дно. Самое интересное, что я этому наваждению тогда ничуть не удивился. Видать, бред и дурдом — дело такое, быстро привыкаешь.

Тут врачи с носилками прибежали, Фалькова увезли. Труп, конечно... Вот такое кино получилось: то ли боевичок, то ли плохая комедия.

Ты спрашивал: «Кто его убил?»

Гангстер... неспроста возле Фалькова тёрся перед концертом. Сперва — скандал, потом — кутерьма в коридоре, выстрелы.

Ну и шабаш... конец фильма.

Жаль мне Фалькова. Настоящий он был... отважный, искренний. А я тряпка, видать. Очко играет. Мой совет: не лезь ты в эту историю. Сгинешь, как Фальков сгинул. Подумай!

Ладно, давай подведём черту. Я уверен: убил незнакомец

в чёрном. Сценарий боевика простой: артисты — режиссёры — паханат.

Рвачи. Отморозки. Беспредельщики.

Наши дни. Санкт-Петербург

Муха истязала нервы — своим наличием в автомобиле, нагловатой, бесстыжей живучестью. Насекомое, словно разведчик-шпион, ползало по лобовому стеклу, шевелило лапками, издавало отвратительное жужжание — будто насмехалось.

Небо сделалось таким хмурым, что даже воробьи перестали ругаться. На автомобиль упали первые капли дождя... Лина щёлкнула рычажком, и дворники с визгливым скрежетом начали протирать поверхность. Звук был отвратительным — как скрип ржавых петель старинного ларца. Муха стала летать по салону. Лина выключила стеклоочистители, и шпионка вернулась на прежнее место.

«Я всё-таки прикончу тебя», — твёрдо решила девушка и в третий раз хлопнула ладонью по стеклу.

Муха легко избежала гибели, покружилась по салону, потом вновь опустилась на лобовое стекло — но уже подальше от расшвирипевшей хозяйки машины. Лина по-актёрски закатила серо-голубые глаза. Трижды стукнула лбом о руль. Последний удар вышел чересчур сильным — белый «Пежо» будто тьякнул.

Рядом вышагивала по тротуару фифа на высоких каблу-

ках и в плаще. Резкий звук застал её врасплох — она вздрогнула, обернулась, разглядела девушку за рулём.

— Овца тупая! — гаркнула фифа базарным голосом и ушла прочь.

Лине недавно исполнилось двадцать три, и она наслушалась всякого — сравнение с овцой её не задело. Напротив, в голову пришла мыслишка: у овец, пожалуй, имеется неоспоримое достоинство — цель в жизни. Дарить людям тепло и еду.

Дождь прекратился. Настроение Лины улучшилось. Даже прохожие на Московском проспекте будто зашагали бодрее. На Петербург надвигались сумерки странного, светло-пурпурного цвета. Зажглись уличные фонари. Они источали причудливые розовато-жёлтые пирамиды — мерцающие, завораживающие.

Возле белого «Пежо» остановился долговязый дядечка в ярко-жёлтом плаще. Лина взгляделась в него и невольно улыбнулась. Она обожала таких людей — противоречивых в чём-либо: в речи, характере, внешности. Этот чудак, судя по всему, был художником: за плечом висел складной мольберт. У него имелась любопытная особенность: лысый, с длинными вьющимися волосами. Противоречие объяснялось просто: волосы росли только на затылке. Но дядечка превратил эту «полосу стабильности» в достоинство — струились они до пояса, как у викторианской дамы. Чудак, наверное, решил передохнуть. Опустив мольберт на асфальт, он заметил,

что из машины на него смотрит красивая брюнетка и мило улыбается. Живописец достал из внутреннего кармана ярко-жёлтого плаща свёрнутый холст, развернул и показал Лине своё творение.

На полотне была изображена девушка из прошлого: рыжеволосая, с демонической улыбкой, в лазоревом платье с белой тесьмой. Чаровница и соблазнительница — лукавые зелёные глаза, нос с горбинкой, чувственные алые губы. Взгляд её будто пронзал насквозь. Лине показалось, что глаза нарисованной дамы словно жили отдельно — изучали, заволашеивали.

«Это и не портрет вовсе, — вздумалось ей, — какое-то зеркало в иные миры, портал, мистический лабиринт».

Лина подняла большой палец вверх. Художник кивнул, собрал вещи, и вскоре его жёлтый плащ скрылся за спинами горожан, растаяв в пурпурных сумерках. Девушка погрузилась в думы. Почему-то показалось, что портрет огневолосой чаровницы связан с её отцом и даже... с ней самой. Но как?

«Чепуха, — решила она, — бред, занимательная дуристика».

Проклятая муха вновь «приземлилась» на стекло. Лина ощутила, что внутри накопилось раздражение, бурлило, вот-вот за края. Брюнетка сжала тонкие губы и мысленно приказала себе: «Ну! Не виляй!» Девушка она была неглупая, из интеллигентной семьи, с высшим образованием. В Петергофе жила её тётушка — осколок Красной Атлантиды; чело-

век хоть и сложный, но мыслящий, с широким кругозором, нетривиальный и многослойный. Лина понимала, что должна, как бы банально это ни звучало, соответствовать.

Глубоко вздохнув, девушка честно призналась себе: насекомое тут ни при чём. Муха, хоть и назойливая, но тоже своё право имела. У причины её нестабильного эмоционального состояния есть имя — Павел. Ему, как и ей, двадцать три. У него прекрасное воспитание. Худой шатен высокого роста со слегка раскосыми глазами. Почти идеален, если бы не одно но. В нём нет никаких противоречий и парадоксов. Один дефект, зато какой.

Он скоро придёт

Начнётся спектакль, где всего два актёра

Потом она поймёт жанр этой пьесы

Лина снова попыталась прикончить муху — промах. Взглянула вправо. Фонтаны. Бронзовый Ильич уверенно указывал путь: Ленинский проспект, а потом дальше и дальше — Стрельна, автомойка в Шуваловке, Петергоф.

«Воин и холоден, и горяч», — подумала Лина и сомкнула ресницы.

Медленно сложила ладони на руль. Три минуты сидела в темноте — больше не выдержала. Приоткрыла веки. Чёрная вражина волочилась по стеклу — напротив лица. Девушка подождала... Левая ладонь по-прежнему сжимала руль, пра-

вая сначала расслабилась, затем сжалась в кулак.

Порох и жаркое пламя.

Резкий удар. Вот так! Она припечатала муху с такой силой, что могло показаться, будто насекомое погибло при столкновении, врезавшись в лобовое стекло автомобиля, мчавшегося по шоссе «под двести». Лина открыла бардачок, достала влажную салфетку и тщательно вытерла правую ладонь. Вот так.

По тротуару неторопливо шёл Павел, одетый в чёрные одежды. Лина нажала кнопку — двери разблокировались.

«Странно он вырядился, — задумалась она, — стал на Цоя похож».

Страсть. Неизвестность. Взрывоопасность.

Часть I. Эпизод первый

Часть первая

ЭРОС

Спустя неделю после того, как Павел сел к Лине в машину

Наши дни. Санкт-Петербург

Ночь. Рядом — кольцевая автодорога

Лина отчаянно давила на газ — белый «Пежо» мчал по Приморскому шоссе. Фонари рассыпали ярко-жёлтые пятна. Спидометр — сто пятьдесят. Движок ревел, захлёбывался, как пловец, которого скоро настигнет волна-убийца. Чёрный автомобиль не отставал от «пыжика». Девушка вцепилась в руль и смотрела вперёд. Лоб сильно взмок. Густые волосы превратились в антенны. Брюнетка потеряла самообладание. Желваки перекатывались на скулах.

Странно всё же, что на дорогах больше не было машин. Только белый «француз» и чёрный преследователь — массивный седан, превосходивший беглеца мощностью. Авто-

мобили держали дистанцию.

Поганые ксеноновые фары!

Как они бесят!!

Эти мразотные столпы света!!!

Прямой отрезок шоссе кончился. Девушка резко сбавила скорость — дорога начала извиваться змейкой.

«Почему? — продолжала яриться Лина. — Почему больше нет машин?! Что за дичь, боже? Где таксисты?!»

Почудилось, что к взмокшему виску приставили дуло пистолета. Она ощутила холод металла. Чтобы прогнать навязание, нервно вскрикнула, точно подстреленная куропатка.

Показалась развязка и указатель — Кронштадт. Девушка завопила и нажала на педаль тормоза — белый «пыжик» стал кружить в сторону дамбы. Чёрный автомобиль тоже свернул на развязку.

Слева появилось пурпурное полотно — небеса и залив соединились в единую фантазмагорию. Тягучая и стальная вода манила к себе...

«Пежо» выехал с развязки на дамбу. Лина, сжав зубы, выжала педаль газа. Сто пятьдесят — больше её «малыш» осилить не мог. Чёрный «крепыш» не отставал. Бесконечная прямая дорога... словно путь в никуда. Потянулись вереницей форты: седьмой, шестой, пятый...

Лина разглядела зелёный щит указателя и надпись: «Скандинавия». Девушка сбавила скорость и направила ав-

томобиль вправо. Шины издали визг, «Пежо» еле вписался в съезд, едва не столкнувшись с серой полосой отбойника. Лина не выдержала напряжения полуночной гонки — больше не могла жать на газ. Слева стояли жёлто-чёрные разделительные блоки. Её автомобиль терял скорость. Чтобы оторваться от преследования, ей нужно было свернуть влево, но Лина проехала прямо и резко нажала на тормоз. Машину занесло — «малыш» замер в метре от ворот и шлагбаума. Красный знак с надписью «STOP». Светло-жёлтое строение.

«Здесь тоже нет людей!» — с ужасом осознала Лина.

Справа от «француза» — ближе к входному козырьку — остановился чёрный автомобиль. Его двигатель благородно урчал. «Здоровяк» погасил ближний свет и переключился на габариты.

«Вот и попалась», — пронеслось в её голове.

Лина в отчаянии ударила кулаками по рулю. Словно загнанная белка, вцепилась в круг, который так и не стал для неё сегодня спасательным.

«Эта клуша должна быть рядом», — догадалась Лина, тяжело дыша.

Девушка оторвалась от руля. Дико сверкая глазами, сгорбившись, как вампирша, Лина медленно повернула голову. Так и есть — наказание. Увы. На заднем сиденье застыла она — Мисс Отчаяние. Молчаливая лиходейка. «Mademoiselle Désespoir», как называл эту клушу предок.

Значит, всё оказалось правдой. Чёрный автомобиль пре-

следовал её давно. Первый раз она заметила его после того разговора с Павлом. Лина разозлилась. Ей вздумалось, что вся эта история — наказание за гордыню. Обманывала себя: дескать, быстро забыла про Павла...

Лина зорко посмотрела на чёрный автомобиль. Наконец распознала марку преследователя — «бэха». В салоне «немца» зажёгся свет — тусклый, размытый. Лина увидела силуэт... сузила глаза. Узнала!

Она щёлкнула зубами, как разъярённая росомаха.

Недавно у Лины была хоть и странная, но довольно спокойная жизнь. Всё перевернулось, когда она сидела в своём «пыжике» в тот самый вечер. Припарковав машину на Московском проспекте, она стала ждать Павла.

Появился лысый чудаковатый человек и показал портрет: неземной красоты дама с огненно-рыжими волосами, в лазоревом платье с белой тесьмой. Девушка подумала, что портрет как-то связан с её отцом и даже... с ней самой. Она усмехнулась тогда — все эти мысли показались ей бредом и чепухой. Потом появился архив, и началась цепь роковых происшествий.

И вот финал: чёрная ночь, пустынная дамба, рядом стоит чёрная «бэха» с включёнными габаритами. Неподалёку чёрно-пурпурный залив — невозмутимый, голодный.

И Павел почему-то в тот вечер оделся во всё чёрное. Он со своими слегка раскосыми глазами стал похож на Цоя в том мрачном прикиде. Лина вспомнила, как в тот миг испытала три разных чувства:

Страсть — это, видимо, связано с Павлом

Неизвестность — тоже знакомо

Взрывоопасность — тут непонятки

Эпизод второй

Неделю назад

Наши дни. Санкт-Петербург

Московский проспект

«Что ночь грядущая... готовит мне? — подумала Лина, рассматривая неумолимо надвигающуюся на неё чёрную фигуру Павла. — Страсть, страх темноты, взрывоопасность. Удивительный коктейль».

Сердце её дрогнуло, точно под ногой провалилась ступенька. Она так разволновалась, словно сидела не на мягком сиденье белого «пыжика», а на жёсткой кушетке в приёмной у гинеколога. Лина, как девушка смышлёная... явно о чём-то догадывалась.

Хлопнула дверь. Бойфренд уселся рядом. Он тяжело вздохнул и стал смотреть на машины, мелькающие за лобовым стеклом... На остановку всё время подъезжали бирюзовые автобусы. Они выплёвывали из себя людей, а затем вновь поглощали новую порцию пассажиров.

— Добрый вечер, — произнесла Лина.

В её голосе переплелись три пласта: нарочитая приветливость, плохо скрытое любопытство и страх — тихий, затаённый, как трещина в лобовом стекле, готовая в любой миг

расползтись паутиной.

— Привет, — ответил Павел, с живым интересом проследив за крутой тачкой серебристого цвета, только что пролетевшую по проспекту.

Лина терпеливо ждала, когда её молодой человек начнёт разговор. Проползла, будто гусеница в мёде, ещё одна томительная минута. Ильич на гранитном постаменте указывал путь. Вождь возвышался перед помпезным зданием Дома Советов, брызги фонтанов переливались на бронзе, словно россыпь серебряных звёзд.

— Лин, — со вздохом заговорил Павел, — у меня предложение.

— Руки и сердца? — усмехнулась девушка и слегка подалась вперёд, чтобы поймать взгляд бойфренда, как ловят бабочку сачком.

Павел упорно избегал её глаз. Разнообразие машин на Московском проспекте стало его спасением: было чем занять блуждающий взгляд. Он поёрзал на сиденье, попытался улыбнуться, а затем посмотрел на лобовое стекло:

— Ты здесь муху, что ли, прибила?

— Павлик, давай к делу, — расслабилась Лина, закончив охоту за его взглядом.

— Ладно, — решился Павел и снова перевёл глаза на трафик. — Моё предложение такое: возьмём паузу?

Лина кивнула, вроде она решила некую математическую задачку. Не «дважды два — четыре», конечно, но и не урав-

нение с тремя неизвестными. Так, шестой класс.

— Давай, — равнодушно произнесла Лина.

Павел покусал верхнюю губу, а затем бросил на бывшую девушку робкий взгляд. Лина спокойно посмотрела на него. Её серо-голубые глаза излучали достоинство и невозмутимость, словно говорили: «Не переживай, в омут кидаться не стану». Павел, кажется, считал этот message.

— Почему ты оделся во всё чёрное? — поинтересовалась Лина. — Первый раз тебя в таком наряде вижу. Траур по нашим отношениям?

— Ну так, — сказал он, улыбнувшись, — случайно вышло. Не совсем во всё чёрное — под курткой водолазка фиолетовая.

— Пурпурная, — уточнила Лина. — Как нынешний вечер.

— Нынешний, — с лёгкой усмешкой произнёс Павел.

— Что смешного?

— Ничего, — торопливо сказал бывший. — Я же знаю: ты уважаешь такие ретрословечки.

Молчание. За окном — Питер, толпа прохожих. Сновали машины, гул. От уличных фонарей исходил особенный свет — розоватый, мерцающий.

Павел решился на действие: робко сжал ладонью её пальцы. Взгляд его словно говорил: «Остаемся добрыми друзьями?» Она довольно резко выдернула руку и крепко вцепилась в руль.

— Иди. Мне ещё в Петергоф ехать, к тётке, — соврала Лина.

— Ну, пока, — вздохнул Павел.

Он открыл дверь, в салон ворвался шум вечернего города, раздался хлопок — Лина снова осталась одна в своём «пыжике». Она проследила, как его высокая фигура растворилась где-то там... в небытии.

Общих друзей у них не было. Он жил на севере Питера, она — здесь, у Парка Победы. Возможно, когда-то столкнутся случайно. Сейчас девушка уже сомневалась, что узнает бывшего. Нелепая вспышка в её жизни. Всего за пару минут его образ потух в сознании, что свеча на ветру. Как его имя? Семён? Эммануил? Вроде высокий. Блондин или брюнет? Она смотрела на своё отражение в стекле и недоумевала: зачем она вообще завела с ним отношения?

«Лестно мне стало, — честно призналась девушка, — лестно...»

Они учились в одном Университете. Ко второму курсу Лина из просто миловидной барышни перевоплотилась в стройную красавицу-брюнетку — словно кто-то незаметно подкрутил настройки её облика. Гибкая, изящная, с тонкими чертами лица. Нос не дотягивал до глянцевого идеала, но эта особенность не портила впечатления, напротив, подчёркивала живую, подлинную природу девушки.

Комплексовать по поводу носа Лина перестала к окончанию первого курса: тогда она точно осознала, что нравится

многим сверстникам. А на третьем курсе за ней настойчиво ухаживал сорокалетний преподаватель, кандидат наук.

Её первый мужчина сравнил Лину с блоковской «Незнакомкой». Их любовь вспыхнула и столь же быстро сошла на нет. Она помнила его имя, глаза, длинные, как у пианиста, пальцы.

«Первая любовь была слепа. Первая любовь была как зверь...» — писал её любимый поэт.

Этот... который весь в чёрном, подошёл к ней полгода назад. Видно было, что красивый парень влюбился. Он ей только понравился, но всё же Лина согласилась «встретаться». Хотя незадолго до начала их отношений сочинила себе «железное» правило: не начинать романов без любви. И тут же «сдала крепость», где обитали её принципы.

Лина сидела в машине, слушала приглушённые звуки Петербурга, задумчиво смотрела на расплющенные останки мухи и всё продолжала заниматься беспощадным самокопанием.

«Порвали — и ладно, — размышляла она, — тоже опыт. Теперь точно: без любви — никаких шашней».

И всё-таки на душе стало горько. Лина почуяла резкий запах полыни: он возник где-то в недрах её разума, медленно выплыл наружу — в душный салон «пыжика».

«Полыню запахло. Значит, сейчас он придёт», — сообщила она.

Постепенно в её голову заполз **Господин Скепсис**.

Это был почти карикатурный персонаж, словно сошедший с гравюры Гойи: худощавый высокий мужчина преклонного возраста с дряблой кожей на бледном лице, в сером плаще, в чёрной шляпе с широкими полями и с огромными брезгливыми губами. Скепсис начал нудить монолог. Так сыпет словами престарелый актёришка захудалого театра, который бездарность прикрывает нарочитой, до пошлого комизма, наигранностью.

— Твоя изюминка, дорогуша, слишком большая и кислая, — произнёс Скепсис скрипучим голосом. — Думаешь, что ты у нас красотка? Глазенапы у тебя выразительные — правда. Только это всё — грим. Наружность, так сказать, хе-хе. Тебе двадцать три года, а у тебя только двое было. Первый — размазня, другой — извращенец.

Так, стоп. Лина решила возразить Господину Скепсису:

— Почему извращенец?

— Не виляй. Согласись, он бросил тебя из-за того, что в постели ты — Снежная Королевишна, хе-хе. Этот красавец с раскосыми глазами уважает смелые эксперименты: грязь, тройнички! вакханалия!

— Какая мерзость, прекрати, — сморщилась Лина. — Он не предлагал ничего подобного. Только классика жанра.

— Так предложил бы, — расхохотался Скепсис, и смех его прозвучал как скрежет иглы у полусгнившего патефона. — Но! Ты не вписалась в его... смелые мечты, холодная леди. Он думал, что внутри у тебя вулкан. Хе-хе. А там оказалась

ледяная баня.

— А может, он скверный банщик? — вспыхнула Лина.

— А может, пора чинить нашу печку? Камушки перебрать? — покрутил костлявыми пальцами паяц.

Лина нахохлилась, будто сыч, потревоженный на ветке.

— Не дуйся — ты не Дуся. Посмотри на себя: плечики сторблены, взор опущен, движения скованы. «Дыша духами и туманами, она садится у окна». Ха-ха!

— Актёришка ты бездарный.

— Ладно, оставайся тут...

Господин Скепсис отступил, растворяясь в сумерках: то ли призрак, вызванный заклинанием, то ли упырь, насытившийся кровью невинной жертвы...

Лина облегчённо выдохнула и наполовину открыла окно. Воздух августа, пахнувший яблоками и далёкими дождями, освежил разум. Однако вечерний шум Московского проспекта резвенько утомил её, и вскоре она вновь закупорила себя в тесном пространстве французского автомобиля.

Лина снова почуяла горький запах полыни. Господин Скепсис, хоть и обладал колючим языком, всегда был честен. Царапал разум и сердце девушки колкостями, точно наглый котяра, точащий когти о бархатную обивку кресла. И всё же Лина осознавала, что паяц желает ей добра, а его эпатажный стиль в одежде и бульварная речь — только актёрские приёмы. Господин Скепсис — шалость, почти приятель, милейший чудака. Ещё к ней приходила Мисс Отчаяние — унылая

молчаливая клуша.

Также в ней существовали три демона — три страха. А эти господа были опасны. словно древнегреческие богини Мойры, они ловко управляли нитями её судьбы, контролировали разум и волю.

Триединая Тёмная Сущность...

Страхи были подобны старому пню: сверху — причудливый мох, а под ним — длинные извилистые корни.

Она завела машину, включила габариты и настроила микроклимат. Припомнила сражение с мухой.

«Радио, что ли, включить?» — задумалась Лина.

Девушка положила на кнопку аудиосистемы указательный палец. С облегчением выдохнула. Нажала.

Голос бонвивана, сладострастный и приторно-сахаристый, тягучим малиновым вареньем разлился по салону... обволакивая её уши.

Кошмар! Лина в раздражении выключила магнитолу. Припомнился разговор с бывшим, а следом в её голове зашевелился третий демон — он существовал в сознании в образе змея. Когда аспид пробуждался, девушка чувствовала его влажную чешую, видела ярко-красный язычок-трезубец, изредка вылетающий наружу из пасти, жёлтые глазёнки.

Сейчас её змей медленно полз... где-то в районе правого полушария. Проклятая попса разбудила гада.

— Спать! — рывкнула Лина. — Я ныне «обрубилa канаты». Так что, мил дружок, отдыхай. В ближайшее время у тебя не будет работы.

Подействовало: змей исчез из сознания, будто его никогда и не было. Испарился со слабым шипением, как капля летучего спирта на раскалённой сковороде. Он всегда возбуждался, когда в Лине просыпались чувственные желания. Пришлось напомнить аспиду, что сейчас она — вольная женщина.

Третий демон казался ей почти безобидным — мелкий пакостник в сравнении с первыми двумя. Но этот скользкий тип всегда провоцировал появление Мисс Отчаяние, а Лине не хотелось её видеть. Выходило так, что сущностей было пять. Голова может свихнуться от подобной свиты, но Лина мало-помалу привыкла. И совершенно зря.

«Надо ехать домой», — решила она.

Девушка включила поворотник, уставилась в боковое зеркало... и увидела там **Мисс Отчаяние**. Эта дама приходила к ней реже, чем Господин Скепсис, но раздражала она Лину очень и очень. Бездарный актёришка хотя бы много болтал, а эта унылая леди никогда не раскрывала рта. Она была похожа на классную наставницу из фильма «Безымянная звезда»: такая же рыхлая, в нелепом платье охряного оттенка, словно сотканном из прошлогодних листьев, с идиотской шляпкой на квадратной голове. Взгляд её был холоден и пуст, как у дохлой черепахи, застывшей на солнцепёке.

Когда Мисс Отчаяние торчала перед глазами, Лине всегда казалось, что та вот-вот начнёт её отчитывать: нельзя, воспрещено, недостойно. Но унылая леди только молчала и обволакивала уничижительным взглядом, словно серый петергофский туман.

— Пошли вы все в жопу! — крикнула несчастная брюнетка, выкрутила руль и резко вклинилась в поток пролетающих машин.

По ушам будто финкой полоснули — раздался визг тормозов. В белый «пыжик» едва не впечатался чёрный «Майбах». Из машины, напоминающей бронетранспортёр, выбрался здоровый брыластый мужик, похожий на Годзиллу: с длиннющими руками, чуть сторбленный. Его свисающее пузо нелепо покрывала короткая зелёная майка. Рептилоид, видимо, спешил в фитнес — пробежаться и подкачаться. Похоже, дядька очень надеялся, что тренировка сотворит чудо. Огромный бурдюк рассосётся, и он, статный, как греческий бог, вернётся домой.

Мужик явно был уверен, что в «пежотине» сидит какой-нибудь борзый юнец. Поэтому он враскачку приблизился к обидчику и громко заорал:

— Охренел?! Я те хлебальник сломаю!

Лина выбралась из машины, резко захлопнула дверь и уставилась на Годзиллу с неким вызовом в глазах. Извиняться она и не помышляла.

Рептилоид увидел перед собой изящную брюнетку в обтя-

гивающих тёмно-серых джинсах и бежевом свитерке с горлом. Лина подняла бровь, не отводя взгляда. Мужик хмыкнул, развернулся, а потом резво влез в свой «бронетранспортёр» и тоже едва не спровоцировал ДТП — подрезал, жлоб, оранжевую «Вольво». Вероятно, он искренне полагал, что борзо гонять по дорогам Питера имели право лишь обладатели чёрных «Майбахов».

«Что же тебя в девяностых не пристрелили, Годзилла презренный, — со злостью подумала Лина, пристёгиваясь ремнём. — Сколько прекрасных людей тогда погибло, а такие мутанты выжили и ещё размножаются».

Брюнетка завела двигатель, весьма тактично вклинилась в трафик и отправилась в путь. Вскоре Лина стала собой: меняла полосы, аккуратно подрезала, выражала аварийкой «пардоны» и благодарности. Девушка не могла себя изменить — бесшабашные покатушки «на максималках» были её страстью. Она нарезала круги от «Московских ворот» до площади Победы и обратно, будто сама не понимала, куда ей нужно. Круг за кругом, поворот за поворотом...

Мисс Отчаяние расположилась на заднем сиденье и буравила Лину тяжёлым взглядом, как зануда-пассажирка в такси, которая разозлилась на водителя и в гневе уже вlepила ему «двойку» в приложении за лихие гонки по вечернему городу. Лина вела себя правильно: не оборачивалась и не суетилась. Поэтому вскоре Мисс Отчаяние исчезла.

Девушка мысленно пропела строчки из той самой попсы,

что обожгла недавно её уши малиновой патокой. Песенка прицепилась к разуму, словно банный лист к взмокшей лопатке. Лина включила магнитолау, быстро нашла на случайной «волне» модную музыкальную вакханалию. Резко прибавила звук, чтобы навсегда изгнать из памяти ту приторную «малину».

«Видать, в девяностых годах в самом деле людям жилось несладко, — размышляла она. — Приходилось лечить душу попсой».

Лина лукавила. Она и без древнего хита прекрасно понимала, что в те лихие годы жилось несладко. В девяносто первом её отца убил киллер — в упор расстрелял из пистолета в самом центре Питера. Спустя семь лет не стало матери. «Несчастный случай», — сказал ей мрачный дядя в мундире, избегая смотреть в глаза. Изюминка девушки кислила не просто так...

Хватит кружиться. Довольно! Лина поехала домой — в гости к первым двум демонам. Она свыклась с ними. Почти поверила, что приручила. Но где-то под рёбрами внезапно вспыхнула колючая боль — справа. Девушка напряглась, пальцы крепче вцепились в руль. Потом ударила по тормозам: красный. Взгляд со светофора метнулся на улицу.

Сумерки сменили окрас. Светло-пурпурный оттенок обернулся густым фиолетовым маревом. Темень пробудилась и начала поглощать городской пейзаж: вывески, автомобили, фасады домов, фигурки прохожих... золотой ку-

пол Исаакия, шпиль Петропавловской крепости, сиреневую кукурузину на Лахте, крохотное тельце Чижика-Пыжика на Фонтанке, стальную громадину Телебашни на Аптекарском острове, зеленовато-серые Триумфальные Ворота... светло-жёлтую сталинку, имевшую народное название «Русский Пряник». Лиловая дымка обволокла все арки и ризалиты дома, полукруглый портик с четырьмя колоннами на главном фасаде. Мгла, словно заботливая матушка, накрыла облупившийся путиловский известняк лестницы портика фиолетовым одеялом. Девушка жила именно в этом доме.

«Пежо» нашёл свободное место у «Русского Пряника». Мотор смолк.

Лина скорее почувствовала, чем осознала: этой ночью, неподалёку от кровати, та студёная и липкая сущность обязательно явится перед ней...

Эпизод третий

Если вообразить Лину как футбольную команду, то её голкипер — это характер. Защита от нестабильного и сурового мира — юмор. В полузащите действовал разум, а вот парочка бестолковых нападающих — её мечты — то и дело застревали в центре поля. Поэтому Лина частенько играла «нулевые ничьи»: защита работала прекрасно, полузащита помогала обороне, затем начинала атаку, но мечты никак не могли прорваться к воротам будущего.

К тому же главным тренером команды явно была совесть: постоянно просила играть «по-джентльменски». Да и нападающие казались какими-то эфемерными, расплывчатыми: порхали по зелёному газону, как призраки.

Футбол — игра командная, а Лина с людьми ладила плохо. Она стояла в душе под напором воды и в тысячный раз задавалась вопросом: «Почему у меня нет подруг?» Знакомые водились, коллеги имелись, приятельницы — пожалуй, тоже. Но близких друзей — ни одного. В школе — одноклассницы, в Университете — сокурсницы. Волнующая и независимая, невозмутимая и бесстрастная — она очень походила на готический замок. Парни робели в её присутствии, девушки либо завидовали ледяной энергетике Лины, либо чувствовали себя рядом с ней какими-то обделёнными.

С гонором отличницы она гнала прочь мысль, давно ло-

мившуюся в её голову: возможно, причины всё же стоит искать в себе? Отсутствие друзей не было случайностью. Ещё в детстве она поняла: близость — это риск. Боль от возможной потери. Страх оказаться уязвимой там, в сияющей пустоте неизвестности.

В квартире горел свет во всех комнатах — Лина боролась со своим вторым страхом. Влажными ступнями она протопала на кухню, оставляя следы на стареньком бежевом линолеуме. Включила плиту, начала варить кофе в турке. Точёную фигуру обернула тёмно-синим полотенцем.

«Первые два страха, — думала она, — самое банальное приключение, какое только можно вообразить. Будто застряла в возрасте девочки-подростка».

За окном мерцали огни соседних домов. Из старого магнитофона доносился хит сезона: женский голос с кошачьими интонациями мурлыкал про «багряное вино, уютное бистро». На старой оранжевой скатерти лежал новенький iPhone 15 — экран был чёрным.

Мама рассказывала, что отец купил это ядовито-яркое полотнище у барыги на толкучке. Жулик клялся, что вещь дефицитная, финская. Потом родители очень веселились, узнав, что «скатерть-самобранка» пошита на ленинградской ткацкой фабрике.

Виталий Горячев — отец...

Это случилось, когда ей исполнилось пять лет. От папы остались лишь смутные очертания: чёрные усы, клетчатая рубашка, «облако» волос — под Джона Леннона. Лина помнила его крепкие руки, тискавшие её на диване, колкие усы. Она отчаянно размахивала руками, отстраняясь, и залившись, по-детски, хохотала.

Потом — звонок. Дикий крик мамы, слёзы, истерика. С той поры к ней пришёл первый демон — страх смерти. Явился в образе чёрной пантеры, притаившейся в углу детской комнаты. Мама утешала, плакала, твердила: «Никакой пантеры нет». Но Лина знала: зверь там, в углу, сверкает глазами голубоватыми, царапает пол, готовится прыгнуть...

Первый демон быстро нашёл себе пару — так к Лине пришёл страх темноты. Зияющая бездна клубилась сизым туманом, дышала могильным холодом, сыростью, железом.

Сначала приходила пропасть, затем — пантера.

— Мама, а умирать страшно? — спросила однажды маленькая Лина.

— Не знаю. Станный вопрос, абстрактный.

— Что значит «абстрактный»?

— Спи, доченька, спи.

Когда Лине исполнилось двенадцать, мать умерла — пожар на даче. Дело списали на несчастный случай, но Лина запомнила бегающие глаза дяди в мундире. Сироту забрала родная сестра отца — противоречивая и колоритная особа.

В первый же день совместного проживания тётка заявила:

— Ты меня знаешь: жалеть и любить я не умею. Слез и капризов в своём доме не потерплю.

Турка зашипела — кофе готов. Лина Горячева сделала осторожный глоток, медленно села на старый стул из карельской берёзы — красноватый, хлипкий. Посмотрела на календарь за девяностый год — потёртый, блёклый. Раритет минувшей красной эпохи. С календаря на девушку смотрел русский мужчина с тонкими чертами лица и пронзительными голубыми глазами. Слева от харизматичного героя висела небольшая чёрно-белая фотография в потрескавшейся рамке: родители, молодые, счастливые...

Ретрокалендарь и пожелтевший снимок соседствовали на кухне с кричащими лилово-бирюзовыми обоями. Рядом, на подоконнике, стояла фарфоровая чашка с полустёртым гербом — осколок дореволюционного сервиза. Третий мир, благородный и хрупкий, деликатно втиснулся между советским колоритом и кислотной современностью. Кухня словно отражала весь Хаос, бушевавший в голове хозяйки квартиры: сводила несочетаемое, соединяла фрагменты, точно ребёнок, который пытается собрать игрушку-конструктор.

«Кухня-музей» — именно так говорила Лина про это пространство. Здесь она чувствовала себя в абсолютной гармонии.

Вдруг разволновался iPhone: послышалась трескучая космическая мелодия, экран замигал пурпурными вспышками.

Лина выключила старый магнитофон и взяла в ладонь аппарат.

Незнакомый номер...

— Я слушаю, — ответила заинтригованная девушка.

— Лина Витальевна, здравствуйте, — произнёс уверенный женский голос. — Говорит Куклина. Не отвлекаю?

— Маргарита... Васильевна, добрый вечер. Слушаю вас.

— Линочка, у меня для тебя работа, — перешла на «ты» собеседница и стала говорить чуть слащавым голосом.

— Всегда рада, записывайтесь.

— Нет-нет, дорогая. Я уже согласовала вопрос: завтра в двенадцать приеду к вам. Ты сможешь меня принять?

Лина привыкла к суетливым голосам клиентов — такая служба.

— Хорошо, Маргарита Васильевна. До завтра.

— До завтра, моя хорошая. Чао.

Маргарита Васильевна Куклина была VIP-клиентом компании. Лина удивилась, когда ей, вчерашней выпускнице, доверили такого человека. Куклина могла выбрать лучшего специалиста, но однажды пришла именно к Лине, внимательно посмотрела ей в глаза, тепло улыбнулась — и между ними сразу возникла некая «химия».

Удивительно, но при всех своих экзистенциальных проблемах Лина Витальевна Горячева работала... психологом. Чужие беды она разбирала успешнее собственных. Не прошло и года, как у неё появились постоянные клиенты. Сдер-

жанная, самодостаточная, она действовала словно ворожея, почти гипнотически: лучистые серо-голубые глаза, успокаивающий тембр голоса, волшебное обаяние богини зимы Скади.

Но имелось недоразумение: то, что она с успехом умела выносить вовне, никак не получалось направить внутрь. Там, в глубине, сидели три её тёмные сущности: чёрная пантера, несущая смерть; бездонная пропасть, полыхающая ледяными искорками; и змей, длинный и влажный, с красным язычком-трезубцем — демон, обязанный искушать, а он, собака, почему-то сдерживал.

Перед сном Лина выключила свет: последние два года психолог применяла «шоковую терапию» против своих учителей.

«Они хотят, чтобы мне было страшно — тогда я стану смотреть им прямо в глаза», — решила она. Результат оказался любопытным: дьяволята, разумеется, не исчезли, но стали будто считаться с Линой.

Пантера садилась в угол, точила когти, тихо урчала. Бездна «дышала туманами», но не затягивала.

Лукавый змей — это демон, который ползал сам по себе. Прятался где-то около правого полушария мозга. Чаще всего дремал, свернувшись клубком. Оживал, когда в Лине просыпалась страсть, и сдерживал её, будто канатом влажным обвивал, почему-то сдерживал. Заливал ледяной водой зани-

мающийся костёр, а должен был плескать жидкость для розжига. Змей — единственный демон, которого Лина не боялась. Девушка чувствовала: аспид ведёт с ней тонкую игру. Провокатор и лицедей. Разумеется, он часто раздражал, порой доводил до отчаяния. И всё же хитрющего змеёныша она не боялась.

Основное противостояние у Лины было с первыми двумя злодеями. Применяя «шоковую терапию» против них, она засыпала всего через пару часов.

В борьбе со страхами часто выручали любимые писатели: Булгаков, Чехов, граф Салиас-де-Турнемир. Причём последний действовал особенно чётко. Погружаясь в его историко-приключенческую муру, девушка порой уходила в такие дебри, что напрочь забывала про демонов.

Господин Скеписис явился на полпути ко сну — его серый плащ слился с серебристым сумраком, длиннополая шляпа едва качнулась. Едкого запаха полыни не было — значит, вертопрах явился ненадолго. Хотя, хм, как знать, как знать...

«Здравствуй, мосье мордастый», — подумала Лина и отложила книгу.

Он ухмыльнулся, пошевелил огромными сладострастными губами, а потом произнёс:

— Хе-хе.

Растаял

Лина улыбнулась — Мисс Отчаяние не явилась — уже славно

Спустя полчаса она заснула...

Приснился ей чудный сон — два фильма, один за другим.

Первая фильма — чёрно-белая

Величественный Дворец с высокой оградой, набережная, бугристый снег на поверхности замёрзшей реки, усеянной бликами от фонарей.

Комнатка, шкура медведя на стене. Овальньй стол, яства... На другом этаже — гости. Дворецкий с бакенбардами с поклоном раскрыл дверь — в залу вошёл Молодой Князь. Высокий и стройный брjонет с демонически прекрасным лицом, будто выточенным из мрамора...

Другое зрелище — какой-то «Ералаш»

Массивный Дворец с широкими стеклянными входами, набережная, тяжёлые медно-серые волны, аллея лип, усыпанная жёлтыми листьями.

Во Дворце — кутерьма, гомон... Восточная красавица с фиолетово-чёрными волосами лупила кулачками здоровяка с короткой причёской, а затем стянула с него куртку. Рядом — плотный узел из крепких мужчин на полу. Щупльый паяц в рубашке с открытым воротом отчаянно голосил — то ли от восторга, то ли уже в исступлении, — размахивал руками, будто дирижировал невидимым оркестром, скакал

возле узла мужских тел...

Интересное кино!

И вдруг... Лина проснулась...

В комнате никого не было

Пантера, студёная пропасть, Господин Скепсис, Мисс Отчаяние... Никого не было! Даже аспид покинул голову.

Ни-ко-го.

Лина напряглась, откинула одеяло и чуть приподнялась с постели. Ей стало по-настоящему одиноко — так, словно планета Земля сдвинулась на тысячу вёрст, оставила её одну в этой комнате, только в этом мгновении... Она прижалась спиной к стене. Причина... должна же быть некая причина... Горячева потёрла пальцами лоб, и наконец догадка сверкнула в сознании, яркая, как вспышка магния.

Ну разумеется! Когда летела домой на «пыжике», вскоре после того, как на заднем сиденье растаяла унылая леди, ей стало казаться, что её кто-то преследует на чёрном автомобиле. Тревога не отпускала до самого дома — тягучая, как горячий мёд. Потом девушка нашла место, стала вклинивать «пыжик» между ржавой «Газелью» и серебристым Bentley. Вскоре тревога растворилась в этой мелкой, но кропотливой задаче.

«Чёрный автомобиль, хм — размышляла Лина, — сколько в Питере чёрных машин — тысячи. Но почему тогда серд-

це столь странно ёкнуло?»

Внезапно ей стало холодно — не просто зябко, а так, словно ледяные щупальца коснулись затылка. Девушку спеленали знакомые запахи, ветры и видения: погребальный холод, отдающий железом, ледяные искры... туман, клубившийся на полу, как живое существо. Бездна задышала.

Все прочие сущности отступили — на сцену вышел её второй демон. Этот имперец захватывал самую большую территорию комнаты: от сиреневой занавески почти до кровати.

Перед глазами отчётливо разверзлась пропасть — тошнотворная и липкая, будто прокисший говяжий студень.

Страх

Темнота

Неизвестность

Эпизод четвёртый

«Опять не выспалась — плохо. Женщинам необходимо высыпаться, иначе в них пробуждается звериная ярость. Стая разгневанных амазонок может убить гигантского слона...»

Именно такие мысли сумбурно кружились в голове Лины Горячевой накануне визита важной клиентки. Белки глаз украсились тонкими нитями ядовито-красного цвета. Лицо — кислое, точно лимон, сбрызнутый уксусом. Настроение — неважное.

Психолог медленно прохаживалась по кабинету. Белые стены и мягкий свет были её союзниками в любимой работе. Помещение, где Лина Витальевна принимала клиентов, напоминало некий шатёр целительницы: небольшое, уютное, с лёгким антуражем таинственности. Искусственная пальма у круглого столика удачно подыгрывала интерьеру кабинета: здесь не холодные владения эскулапов, что консилиумы проводят и беспощадные диагнозы ставят. Здесь лечат души.

«Мои владения — это маленький театр», — считала Горячева. Только без режиссёров и суфлёра. Клиент и психолог — сами себе артисты. Лина Витальевна немного лукавила. Как толковый, но малоопытный специалист, она, конечно, имела «режиссёра» — матёрую наставницу. Также Горячева была осведомлена о том, что про её успехи знает и владе-

лец медицинского центра — респектабельный дядя, эдакий «импресарио».

Некую условность происходящих в этом «шатре» событий особенно подчёркивала искусственная пальма: изумрудные листья, длинный светло-коричневый ствол с отслоившимися чешуйками, кадка стального оттенка.

А всё-таки интересная дама была эта Куклина.

Потрёпанная жизнью, но не сломленная. Стройная леди с кудрявыми рыжими волосами и цепким взглядом. Подтяжка лица, удачно подкачанные губы — гармонично, без перебора. Лет пятьдесят на вид, но выглядит на все сорок девять: уверенная в себе дама, ещё не потерявшая шарма и лоска. Не красавица, но было в ней что-то обольстительное и завораживающее. Лина завидовала таким женщинам.

Куклина, кажется, не замужем. Чем занимается — не совсем понятно. Коллега сказала про неё с улыбкой: «Хороводы водит». Эту загадку Лина так и не разгадала. Другая коллега поведала, что Куклина раньше была бизнес-леди в сфере медиа — управляла модным глянцевым журналом.

— Поднять занавес, — тихо произнесла Лина, наострив слух.

Психолог остановилась посреди кабинета. Настойчивый стук — дверь распахнулась, и в помещение вошла госпожа Куклина, одетая в эффектный серый костюм, который так шёл к её рыжим кудрям и стройной фигуре. Яркий макияж, хваткий взгляд — как у самки богомола. Зеленоватые глаза,

чуть раскосые, очень выразительные.

— Здравствуйте, Маргарита Васильевна, прошу, — мягко улыбнулась психолог и пригласила жестом к столу.

— Привет, Линочка, — сказала гостья, цокая шпильками. Дамы уселись друг напротив друга.

— Минуточку, — сказала Куклина и полезла в свою сумочку.

Клиентка извлекла зеркальце и стала внимательно изучать себя. За эти секунды Лина снова прокрутила в голове историю взаимоотношений с этой важной и яркой дамой. Были две встречи. Обе — довольно невнятные. Куклина скорее знакомясь с психологом, чем говорила по делу. Беседы напоминали пустопорожние встречи приятельниц.

Маргарита Куклина, женщина на пороге полтинника, незамужняя и сильная, будто искала смысл дальнейшего бытия. Успешная и независимая, но несчастная в личной жизни — типичный клиент. Лина сделала вывод: её визиты в «шатёр» — дань моде. Чтобы при встрече с подругами в ресторане небрежно обронить: «Была тут у личного психолога...»

«Всё это, конечно, тщеславие», — заключила Лина Горячева.

Куклина спрятала зеркальце в сумочку и взглянула на собеседницу с большой теплотой. Интересный взгляд. Так львица смотрит на детёныша — с нежностью, но и с властностью, будто говоря: «Я дам тебе защиту, бэби, но меня надо слушаться».

Психолог смутилась и даже озадачилась: «Казус госпожи Куклиной...»

— Как ваши успехи, Маргарита Васильевна? — перешла к делу Лина, задав собеседнице максимально нейтральный вопрос.

Цель — понять настроение клиентки, её внутренний темпоритм. Лина действовала по шаблонной схеме. Куклина непринуждённо улыбнулась и сама задала вопрос, который понравился Лине, так как напрочь разрушил логику встречи.

— Лина Витальевна, отчего психологи не носят белых халатов?

Горячева сдержанно улыбнулась, метнув взгляд на свою бирюзовую блузку с лиловыми полосками.

— Мы же не классические врачи. Скорее целители.

— Всё верно, моя дорогая, — потрясла рыжими кудрями Куклина и улыбнулась ещё шире, сверкая белоснежными винирами.

И вдруг клиентка смахнула с лица улыбку, как пыль с дорожного платья.

— Линочка, открой окно и организуй пепельницу. Я буду курить.

Наглая дама перешла от слов к действиям: вытянула из сумки пачку сигарет и рассыпала из глаз горсточку зелёных искр.

Психолог Горячева малость смутилась.

— Маргарита Васильевна, здесь... нельзя курить.

— Мне можно.

Быстро осознав, что таким клиентам не возражают, Лина поспешила исполнить требование стальной дамы. Психолог раскрыла окно и ощутила, как в ней зреет протест. На подоконнике увидела красный стакан с чайными разводами внутри и решила захватить его с собой. Ибо никаких пепельниц в кабинете, разумеется, не было.

Обратный путь к столу психолог Горячева сделала нарочито долгим, будто ступала по раскалённой свинцовой доске. Она не выносила табачного дыма и вообще... считала удивительной наглостью курить здесь. Сохранив лицо, Лина села на стул.

Куклина щёлкнула зажигалкой и смачно затянулась. Горячева слегка дёрнула головой. Её нос учуял тошнотворный запах табака вперемешку с ментолом. Вспомнилась древняя поповая песня, цинично воспевающая этот отвратительный запах и вредный процесс.

«Хороший у нас будет сеанс», — подумала психолог Горячева, закипая внутри всё больше и больше.

Надвигалась неприятность: Лина теряла самообладание, чего ей ни в коем случае нельзя было допустить. Опасный момент...

— Линочка, — нежно сказала Куклина и стряхнула пепел в красный стакан. — Я хочу тебе кое-что... рассказать.

— Слушаю вас.

Психолог Горячева слегка оттаяла. Слишком как-то «по-

матерински» прозвучал голос этой стальной леди — невозможно не впечатлиться.

— Дело в том, что я знала твоего отца.

— Вот как? — удивилась Лина, вскинув брови.

Куклина сделала две глубокие затяжки и окутала себя сильным дымком, будто обдала сцену паром перед выходом примадонны. Затем залихватски стряхнула пепел и внимательно посмотрела на Лину.

— Мы вместе учились в Университете, на журфаке. Он был старше меня на один курс. Потом вместе работали в издании...

Куклина помолчала и продолжила:

— «Невская трибуна». Твой отец был классным журналистом. Его ценили коллеги. Главными достоинствами Виталия были смелость и острый ум. Я скучаю по былым временам. Старческий инфантилизм.

Куклина усмехнулась. Видимо, осталась довольна своей остротой.

— Интересное было время: свобода, надежды, молодость. Помню, как мы компанией ходили на рок-концерт, прыгали, веселились. Опоздали на метро. Шатались по сверкающим огнями набережным, разговаривали, сколько было планов на жизнь. Какие-то весельчаки на Мойке угостили нас портвейном. А потом не повезло — встретили хулиганов. У твоего отца был внутри стальной стержень — факт.

Куклина сделала затяжку, испустила дым и продолжила:

— Один из громил достал нож. И тогда Виталик подошёл к нему — статный, невозмутимый — и сжал ладонью клинок. Лезвие было тонким — опасная игрушка. Кажется, финка. Я обомлела. У меня в голове пронеслось: сейчас он убьёт Виталика! Это было так нелепо: погибнуть от ножа пьяного идиота в самом центре Ленинграда. Я была тогда журналисткой: цветасто мыслила. Я ощутила весь ужас банальности смерти, понимаешь? В один миг июльский ветерок обернулся могильным холодом. Смерть подкралась, как полоумная кошка. Хохот, веселье, и вдруг — тишина, нож.

Куклина стряхнула пепел в красный стакан, задумчиво посмотрела на тлеющую сигарету, а затем продолжила:

— Мы все оцепенели. Мне захотелось заорать, но я быстро смекнула: нельзя. Резкий крик может спровоцировать психа. Я уверена: вся наша компания в тот момент это осознала. Ребята не трусили, они тоже поняли — нельзя орать, нельзя делать резких движений.

Лиана почувствовала, как часто-часто стучит её сердце.

— И тут... громила разжал пальцы, его рука опустилась. Здоровый детина превратился в хоббита. Хулиганов было трое. Они развернулись и быстрыми шагами ушли прочь. Я никогда не забуду эту сцену: ночь, Мойка, твой отец сжимает ладонью клинок, три беглеца. Виталий сожрал громилу своей сумасшедшей харизмой.

Куклина замолчала. Лиана захотела узнать финал истории.

— А что было дальше?

— Мишка и Андрей несли твоего отца на плечах. Все дружно пели: «Рок-н-ролл мёртв, а мы ещё нет!» А потом удирали по подворотням от мильтонов, — сказала Куклина и рассмеялась.

— От кого? — нахмурилась Лина.

— Так раньше называли милиционеров.

Психолог Горячева и Маргарита Куклина встретились взглядами.

— Ты на него очень похожа. Брюнетка, серо-голубые глаза.

Лина отвернулась.

— Прости за лирику, — тихо произнесла Куклина, сделав последнюю жадную затяжку.

Лина невольно провела пальцами по подбородку и стала ожидать продолжения беседы. Маргарита Куклина долго тушила сигарету, будто хотела причинить боль белому окурку, перемазанному красной помадой.

— Теперь к делу, девочка, — голос клиентки стал прозрачным, словно бриллиант. — Через год в городе начнутся... большие дела, но подготовка к ним уже идёт. Мне нужна твоя помощь.

Лина слегка растерялась. Слишком резкие перепады в сюжете этого спектакля: захватывающая история с ножом, короткая лирическая вставка, официоз. Какие-то... «большие дела, подготовка».

— Лина Витальевна, ты слышишь меня?

— Слушаю, — поспешно ответила психолог Горячева.

— Имеется архив твоего отца: бумаги, документы, кассеты. Ты что-нибудь слышала о нём?

— Архив? — нахмурилась Лина. — Нет, я ничего не знаю.

— Твоя мать не говорила тебе про некие бумаги и документы отца? — снова рассыпала горсть зелёных искр из глаз стальная леди.

Взгляд Куклиной стал острым, как лезвие финки.

— Да мне двенадцать лет было, когда она умерла.

— Верно, прости, — сказала Куклина, гоняя в голове какие-то опасные, потаённые мысли. — А твоя тётка? Она что-нибудь говорила про архив?

«Это же допрос!» — ошалела психолог Горячева.

— Нет, тётка тоже ничего не рассказывала, — честно ответила Лина.

— Понимаю, — покачала рыжими кудрями Куклина. — Послушай меня, Лина Витальевна. Ты должна найти архив отца и передать его мне.

Перебор. Психолог Горячева сжала тонкие губы и приняла решение — бунт. Плевать на профессиональную репутацию.

— Маргарита Васильевна, — жёстко сказала Лина, чеканя слова, как кузнец, работающий кувалдой, — при всём уважении... Но я ничего вам не должна.

Стальная леди глубоко вздохнула и как-то размякла... словно кувалда собеседницы пробила броню её самооблада-

ния.

— Глупая, пойми. Сейчас я скажу тебе очень важные слова. Скоро за архивом твоего отца начнётся охота. Впереди

— Большая Игра. Тебе может грозить опасность. Вспомни про мать. Извини, дорогая, но я должна тебя предупредить

— ради твоего же блага. Поняла меня?

— При чём здесь мать?

Куклина вытянула из пачки ещё одну ментоловую сигарету. Щелчок. Затяжка. Сизый дым над рыжими кудрями.

— При каких обстоятельствах погибла твоя мать?

— Пожар на даче.

— Тётка что-нибудь... говорила про это?

Лина задумалась.

— Нет, кажется... мы не беседовали на эту тему.

— Кажется во снах, дорогая. Говорила или нет?

— Нет, — твёрдо сказала психолог Горячева.

— Сама что-нибудь помнишь? — надела на собеседницу Куклина, и глаза её вспыхнули, как два зелёных фонарика.

Лина сглотнула слюну и погрузилась в воспоминания. Стальная леди стряхнула пепел и снова пустила сизый дымок, зорко наблюдая за бледной девушкой.

— Помню, — тихо сказала Горячева. — У следователя глаза бегали. Да и кроме тётки нашлись родственники, шептались.

— Вот и подумай, Линочка.

Куклина затушила сигарету в красном стакане.

— Как найдёшь отцовский архив — позвони. Напоминаю: там бумаги, документы и кассеты... либо кассета. Мне нужна вся троица. Поняла?

Лина почему-то решила вывести из себя эту наглуую дамочку, которая корчила тут *femme fatale*. Близилась кульминация спектакля.

«Пора и мне сверкнуть талантом», — решила психолог Горячева.

— Так вам нужна троица или... великолепная четвёрка? — хлопая ресницами, поинтересовалась Лина, играя в «дурочку».

— Не поняла тебя, — напряглась Куклина.

— Бумаги, документы, кассеты и ещё одна кассета. Выходит, всего четыре элемента? Верно?

Куклина щёлкнула винирами, переполняясь гневом. Быстро пришла в себя и бросила на собеседницу кривой взгляд, словно резко махнула финкой перед её лицом.

— Не шути, девочка. Вопрос серьёзный. В архиве твоего отца должна быть как минимум одна кассета, — заговорила Маргарита Васильевна, как заправский учитель математики средней школы.

Лина послушно кивнула — ну чисто отличница-гимназистка. Стальная леди оценила игру собеседницы, а потом закончила фразу:

— Возможно, кассет будет несколько штук. Как бы там ни было, мне нужен весь архив. Бумаги, документы...

Куклина взяла паузу, а потом сказала:

— А также кассета или кассеты! Ты поняла, мучительница?

Психолог Горячева «сняла маску с лица» и гордо задрала голову.

— Ты поняла меня, девочка? — с нажимом повторила клиентка.

— Бумаги и документы, — со злостью произнесла Лина.

— В чём здесь отличие?

— Бумаги — это все записи твоего отца. Он был журналистом. Мы тогда вели дневники. В них были не только личные мысли, но и заметки, наброски, разработки статей — рабочие моменты. Понятно объяснила?

— Более чем.

Куклина встала и взяла в руку сумку.

— Не сердись, девочка. Найдёшь архив — звони. Бумаги. Документы. Кассеты. Либо... только одна кассета, — ещё раз произнесла назойливая Куклина и вышла из уютного кабинета.

Дверь захлопнулась. Лина вынесла из помещения красный стакан и выкинула его вместе с напoмаженными окурками в корзину. Потом психолог Горячева нараспашку раскрыла дверь кабинета, приблизилась к распахнутому окну и стала жадно поглощать насыщенный воздух августа...

Спустя четверть часа вернулась и села на стул, который ещё помнил тепло серо-стального костюма железной дамы. В

кабинете, несмотря на проветривание, ещё держался ядовито-сладкий аромат духов клиентки. Лина Горячева закрыла дверь. Дым сигарет с ментолом пропал, а парфюм оказался с характером. Психолог повела носом и заключила: «Французские. Кажется, Nina Ricci».

И тут Лина увидела в углу «шатра» чёрную пантеру. Зверь сидел в напряжённой позе, будто готовился к прыжку. Крупные налитые мускулы на передних ногах. Голубые, мерцающие глаза, отбрасывающие лазоревые блики на чёрную шерсть. Серебристые усики. Влажный треугольник носа. Пристальный взгляд, парализующий волю. Левое ухо пантеры дёрнулось.

Лина Горячева захотела, чтобы вместо зверя в углу появился паяц — Господин Скепсис. Он бы презрительно пошевелил своими отвратительно огромными висячими губами, потом бы звонко причмокнул и сказал что-то вроде: «Ну и херцогиня эта твоя Куклина. Всё это ерундятина, дорогуша моя. Зеленоглазая интересничала. Бывшая репортёришка — фантазия бурлила. Бумаги. Документы. Миллионы кассет! Ха-ха. Пардон, есть нюанс. Вероятно, то есть... вполне возможно, скорее всего... фанфары... Только одна кассета! Единственная и желанная кассета. Ха-ха! Забудь, милочка, забудь».

Но Господина Скепсиса не было в этом кабинете с нежно-светлыми стенами и ненастоящей пальмой у столика.

Лишь сидела в углу взрослая и довольно крупная особь — пантера с голубыми глазами. Хвост её извился дугой. Мускулы на передних ногах.

Такая живая в своей неподвижности.

Эпизод пятый

Квартира Лины Горячевой пережила маленький апокалипсис: мир вещей рухнул, и власть тут захватил Хаос. Всё перевёрнуто, перетряхнуто, пересмотрено — впустую.

Самой интересной находкой оказался, наверное, тот самый нож из рассказа Куклиной. Потёртая деревянная рукоять. Длинное лезвие финки покрывала сероватая патина, в углублениях — рыжие пятна ржавчины. На обухе ножа виднелась едва заметная гравировка — «1916». Лина перенесла раритет на кухню, положила финку на подоконник — рядом с фарфоровой чашкой с полустёртым гербом. «Музей» пополнился ещё одним экспонатом.

Дореволюционная эпоха сделала серьёзный рывок в противостоянии с советскими артефактами и современными кислотными обоями лилово-бирюзового цвета. Ещё бы несколько экспонатов времён царской России, и кухня точно бы превратилась в «лавку древностей».

Лина учинила повторный обыск. Будто после преподлойд орды на разрушенный город налетел запоздалый презлой отряд. Хмурые монголы, раздосадованные тем, что главные трофеи достались другим, яростно разворотили всё, что ещё уцелело, и скрылись вдали, подняв за собой клубы пыли...

Всё пустое — никакого отцовского архива в квартире не было. Самая интересная находка — финский нож, остальное

— ерунда. Лина Витальевна восстановила порядок, но теперь, особенно после повторного обыска, он оказался весьма иллюзорным.

Хозяйке квартиры стало как-то... не по себе.

Близилась ночь, и Горячева осознала, что скоро в комнате появится чёрная пантера, а рядом с ней — пропасть. Темнота и смерть будут ждать её, разъедают разум, магнетизировать. После разговора с Куклиной стало ясно: «шоковая терапия» не сработает. Наоборот — будет хуже. Такие ходы хороши в повседневности, а сейчас на её жизнь надвигалась волна-убийца, фиолетово-чёрная, как тень пантеры. Воздух внезапно стал колючим, вихри снежной крошки стали мелькать перед глазами — тьма кристаллизовалась. Причём свет горел везде, даже в дальних углах коридора.

Но от наваждения искусственное тепло не спасло. Холод, что подлый тать, пробирался в кости, лишая девушку сил. В памяти всплыла строчка из Пушкина: *«беда, барин, буран!»*. Лина сжала кулаки, пытаясь унять дрожь. Нужно собраться. Грудь тяжело поднялась... выдох. Стало легче.

Лина ушла на кухню, чтобы вдохнуть аромат крепкого кофе, сделать глоток и набросать хотя бы примерный план действий.

«Отвлечься, надо немного отвлечься», — рассудила она.

Стоя у электрической плиты и колдуя со смесью и туркой, Горячева подумала о том, что дореволюционной эпохе всё же придётся постараться в борьбе за главенство стиля.

Современность тут доминировала по многим направлениям. Кислотные обои — антураж, красивая обёртка. Разумеется, здесь находились многие другие вещи, которые машинально стираются из восприятия, но они никуда не уходят из пространства кухонного бытия.

Имелись в наличии: ламинат, чёрная шайба станции «супермозгов» по имени «Алиса», торшер и ноутбук, современная электрическая плита — гордость немецких инженеров

«Боже мой, — разозлилась Лина Витальевна, — хватит отвлекать себя пустопорожними размышлениями! Я не убегу от проблем. Нужно искать выходы, решения»

Горячева приблизилась к подоконнику, со вздохом посмотрела на финку — трофей отца — и её разум начал действовать. Подобно хорошему скульптору, она приняла решение: отсекать лишнее. Поклялась себе быть предельно честной и лаконичной. Начать — с главного.

Плотно сжав тонкие губы, она заключила, что занимается дешёвым самообманом. «Шоковая терапия» — игра. Страх есть, и она не сбежит от них. Разговор с Куклиной возбудил главного демона, который, очевидно, доминировал над остальными двумя. Нужно срочно разыскать архив отца: бумаги, документы, кассеты (или только одну кассету).

«И что? За просто так отдать этот архив... зеленоглазой фурии?» — шевельнулся в голове змей.

Лина цинично усмехнулась и продолжила свой совет. Она перерыла всю квартиру и была уверена, что архива здесь нет.

Значит, надо ехать к тётке. Холодный и строгий пригород — Петергоф. Ещё холоднее, чем сам Питер. Ледяной нарост на голове снежной бабы. Разговорить тётушку — задачка сложная, но и её можно решить. Главное — захотеть.

Лина, немного ослеплённая мерцающими огнями соседних домов, вернулась к плите. Вскоре она села на стул из карельской берёзы и стала пить кофе. Когда опустошила стакан, её голову, будто озарённую после возлияния бодрящего разум напитка, посетило откровение. Девушка столь сильно разволновалась, что встала с хлипкого стула и крепко сжала кулак.

«Страх смерти, страх темноты, сексуальная скованность — чепуха! Я ведь... почти привыкла к ним, — поразилась Лина Горячева. — Над тремя демонами, очевидно, стоит некая четвёртая, страшная... тёмная сила. И ларчик сей раскрывается просто. Это же — сумасшествие!»

Лина вдруг осознала, что её демоны, Господин Скепсис, унылая Мисс Отчаяние, уже стали добрыми приятелями, почти друзьями.

«Это же приправа жизни, — растерялась Горячева. — И чего мне без них делать... пустота! Когда нет моей свиты, всё теряет остроту — словно изысканное блюдо подали пресным, лишённым всякого вкуса».

Лина ринулась в комнату. В углу сидела пантера, рядом со зверем клубилась парами холодная бездна. Девушка долго смотрела на них. Она не чувствовала... ничего. Выходит так,

что колючие и вонючие ужастики — моё нормальное состояние? Трёхметровая высота от пола до потолка внезапно поплыла, словно расплавленное стекло, и нависла над головой.

«Ужас, — опешила Лина, — а вот теперь действительно страшно. Я же на полпути к безумию!»

Она вернулась в кухню-музей. Ей даже думать теперь было боязно. А её так в школе учили: сперва думать — потом действовать. Лина впервые в жизни испугалась парадоксальной, почти фантазмагорической ситуации. Она очень любила все эти фишки в кино и книгах. Но когда сама попадёшь в подобный спектакль, становится действительно страшно.

Сейчас девушке показалось, что её ступни обжигал ствол тончайшего каната. Она словно держала в руках балансир и медленно шла вперёд. Под ногами — пропасть. Страховочного троса — нет. Страха — полные рейтузы. Со лба слетели вниз три солёные капли — противный вонючий пот.

Где-то внизу сидели зрители — тревожно молчали. Они заплатили за это шоу монетами, и теперь приходилось работать. Каждый крутил в голове мысли: «Упадёт или не упадёт? Грохнется или нет?»

Каждый третий зритель — подлюка, как сказал Лине знакомый артист. Получается, каждый третий подлец с упоением ожидает падения. Жаждет крови.

«Завтра же еду к тётке, — решила девушка, — завтра»

Перед сном Лина долго смотрела в пропасть, потом наблюдала за сверкающими голубыми глазами пантеры. Боялась — и не боялась. Думала — и хотела перестать думать. Но как существовать человеку без мыслей?

И вдруг она осознала — сейчас он придёт. Так и случилось. Господин Скепсис явился серый плащ, шляпа, ехидная улыбочка, сладострастные висячие губы.

«Красавец», — подумала Лина и учуяла запах полыни.

Он сидел в массивном кожаном кресле, будто собранном из разных эпох. Высокая спинка. В изголовье — резной дубовый картуш с завитками аканта. Подлокотники увенчаны деревянными шарами цвета тёмного мёда, когда-то лакированными, а теперь матовыми от прикосновений. Широкие ножки слегка изогнуты и соединены оригинальной проножкой — резьба в виде виноградной лозы. Дряхлая рыжая кожа оригинального кресла словно сошла с иллюстраций к Диккенсу.

Лина откинула одеяло, прижалась спиной к стене и стала смотреть на гостя. Господин Скепсис с ухмылкой взглянул на её фиолетовую пижаму — мятую, с маленькими бирюзовыми и оранжевыми кольцами.

— Занятная на тебе одежонка. Цвет — шик-модерн. Будто криворукий алхимик сварил зелья и погрузил туда камень. Золота не вышло, и тогда он запихал в своё варево ночную сорочку постылой супруги.

— Смешно, — улыбнулась Лина. — Послушай, господин

шут, отчего у тебя такая физиономия, будто ты давеча проигрался в карты, но делаешь вид, что сорвал куш?

— Тщеславие, милочка. Хочу быть величайшим актёром!

— Ну-ну, — усмехнулась девушка.

— А теперь давай серьёзно поговорим, как взрослые особи.

— Разве ты умеешь говорить серьёзно? — задумалась Лина.

— А ты просто... умей слышать, милочка.

— Давай, — снисходительно произнесла Горячева, — вали!

Паяц достал из внутреннего кармана плаща флягу, плотно обёрнутую телячьей кожей, деловито открутил крышку и принялся напиваться — щедро, с душой. Его поразительно крупный и бугристый кадык выписывал кренделя по тощей шее. Скепис убрал от висячих губ флягу, а потом издал продолжительный то ли сип, то ли крик. До ушей Лины донеслись довольно похабные звуки — нечто среднее между гудком неисправного паровоза и агонией подышающего селезня.

Так себе представление: дешёвая оперетка, балаган. Антрепренёр — неудачник. Режиссёр — сволочь. Актёришка — хам, бездарь и плут. Лина уже привыкла к подобным выкрутасам паяца. Она терпеливо ожидала конца этого шоу.

Скепис отчаянно заморгал глазами, потом резво закрутил крышку и спрятал флягу в карман. Ещё раз скрипуче крикнул — но уже коротенько, без паровозных вкраплений.

«И на том спасибо», — подумала Лина.

И вдруг на пару мгновений его лицо изменилось. Она словно увидела его настоящий облик — старый несчастный артист, так и не сыгравший ни разу Гамлета. Грусть в глазах необыкновенная. И никаких масок — только боль, страх и тревога в каждой клетке его дряблой, обвисшей кожи. Алые шероховатости на щеках — отметины от использования жирного грима.

Померещилось — и всё тут. Лина даже чуть приподнялась, словно наседка на жёрдочке. Нет-нет. Видимо, в самом деле ей померещилось. На похабной физиономии паяца обозначилась глумливая улыбочка, в глазах запрыгали бесенята.

Господин Скеписис длинным багровым языком лихо облизнул жирные висячие губы, а потом, как бы извиняясь, произнёс:

— Ямайской ром. Пила когда-нибудь сего эликсира?

Актёришка нарочито отыгрывал произношение девятнадцатого века. Он сказал именно так: «Ямайской».

— Не пила-с, — ответила Лина.

Господин Скеписис вцепился длинными костлявыми пальцами в шары на подлокотниках кресла, а потом резко склонился вперёд.

— А ты чего это, дорогуша, напридумывала чепухи, ась?

— Ты про что? — искренне удивилась хозяйка квартиры.

— Свихнуться всегда успеешь! — сказал Скеписис и постучал длинным костлявым пальцем по длиннополой шляпе.

Лина презрительно усмехнулась — очередной спектакль-бенефис от актёра погорелого театра. Свежую пошлятину-буффонаду подали.

«Кушайте на здоровье, милые зрители», — успела подумать девушка.

Лина лукавила. На самом деле она с радостью стала зрительницей — сей милый шут пришёл к ней так вовремя.

Первый акт пьесы начался!

Паяц прижался спиной к спинке кресла, при этом его длиннющие руки вытянулись, как струны семиструнной гитары, и он раскатисто и породисто заголосил шалашинскими интонациями, почти запел:

— Не пудри себе мозги! Не наводи тень на плетень! Не толочи воду в ступе. Готов накидать тебе ещё с десятков самых! пошлых! фразочек.

Паяц вдруг хрипло расхохотался.

— Четвёртую силушку выдумала! Мы все психопаты в этом безумном мире. Только одни делают вид, что здоровые, а другие в жёлтеньких домах сидят запертые. Они-то и есть самые нормальные люди.

— Да-да, — кивнула Лина. — Чехов писал об этом.

— Не занимайся самообманом, госпожа психолог. Безумие — блажь. Не размывай проблему. Страхи в самом деле погубят душу и тело... если ты не перестанешь вилять. Пора дать им сражение.

Господин Скеписис оторвал руки от шаров и скрестил их

кот сбитого вертолёта. И вдруг он резко замолчал.

— Браво, — сдержанно похлопала девушка.

— Это было второе! — «пропел» гражданин артист. — А сейчас...

— Да погоди ты, Шаляпин! — рассердилась Лина. — Повтори мне, что есть второй пункт?

— Характер.

Паяц показал Лине два пальца — средний и указательный — V.

— Теперь третье. Наш десерт, — сладострастно улыбнулся артист. — Когда тётушка благоразумно отошлёт тебя к нечистому, ты должна сказать то, чего в самом деле боишься... когда смотришь на неё.

К первым двум пальцам присоединился безымянный — W. Горячевой показалось, что ей демонстрируют корону.

— И тогда станешь Истинной Королевой, а не снежной королевишной, — ехидно улыбнулся паяц.

— И всё-таки ты пакостник, — покачала головой девушка. — Проткнул меня насквозь своей шпагой сарказма... напоследок.

Господин Скепсис снова сложил ладони на деревянные шары, а потом лукаво взглянул на зрительницу.

— Да, кстати, — сказал артист. — Ты зря лелеешь змеёныша. Думаешь, что он — самый лапа? Вздор, милочка. Давай вместе шагать — в обратную сторонушку. Ты готова пустить стрелки часов назад?

— Начинай, — устало произнесла Лина, теряясь в тёмном подвале его затасканных метафор.

— Сначала пришла пантера. Потом — бездна. Аспид после приполз — когда твои перси набухли, что бутоны пионов весной.

— Фу, — устало рассмеялась Горячева, — какая пошлятина.

— Ты топчешься у лап чёрной кисы — вздор, дорогуша. Начни битву с другого конца. Пока не прижмёшь хвост змеёнышу — не двинешься дальше. Запомнила?

Лина молчала ровно три минуты, а потом поставила точку:

— Да.

И Господин Скепсис вдруг резко исчез. В эту ночь в её комнате более никого не было. Она нынче даже одеяло не натянула по голову — настолько ей вольготно существовалось.

«Причина, характер... тётка», — мысленно промолвила Лина Горячева, погружаясь в правильную бездну — спокойную, чёрную, желанную. Девушка почему-то осознала, что находится в Космосе. Она парила, как астронавт, и шурилась от яркого свечения Пути и планет. Мимо пролетела тётушка в звездолёте, похожем на электросамокат. Транспортное средство оставляло за собой шлейф из созвездий, которые складывались в замысловатый узор, напоминающий «всевидящее око».

Тётушка в самом деле была забавной дамой. Её возраст застыл в том странном промежутке, где цифры теряют смысл: то ли такая женщина на днях осилила полтинник, то ли ей давно уже перевалило за шестьдесят.

Мегера, консерватор, суффражистка. Полное прозвание тётки хорошо отражало всю противоречивость натуры — Вера Павловна Пална. Фамилия и отчество перекликались, будто дразнясь, и в этом была вся её суть.

Эпизод шестой

«Как весело было вчера ночью — и как всё сменилось...»

Лина сидела за рулём белого «пыжика». Недавно она припарковала автомобиль на дамбе, съехав с развязки на небольшой участок у Третьего Северного Форта. Земля была покрыта щебёнкой. Рядом находился серый металлический забор. Оранжевый фонарь на запертой двери и красный знак на заборе словно намекали девушке: «STOP».

На обратном пути — от Петергофа к дому — Лине ещё раз показалось, что её преследовал чёрный автомобиль. Она специально остановилась на этом участке, плотно покрытом щебнем. За окнами иногда слышался гул: машины и тяжёлые фуры через развязку уходили на Краснофлотское шоссе либо в Кронштадт. Никто не припарковался рядом с белым «пыжиком» — никакого чёрного автомобиля поблизости не было. Только вдалеке, за её спиной, виднелся синий полу-сгнивший «логанишко».

Лина Горячева расслабилась и стала смотреть на тягучие стальные воды залива. Как резко сменилась погода — обычные питерские фокусы. С утра отчаянно ярко светило солнце последнего летнего месяца. Сейчас петербургское небо заволокли хмурые грозовые тучи, усилился ветер.

«Жаль, что так вышло, — подумала Лина. — Я вскоре обязательно к ней заеду ещё раз. Совсем забыла про тётку.

Она ведь тоже человек, хоть и странный: одинокая, несчастная, смешная. Какой-нибудь недобрый остряк скажет, увидев её: «Типичная городская сумасшедшая...»

День начался с освежающего душа. Потом был чудный завтрак: омлет, кофе, хрустящие тосты. Горячева вспоминала ночной разговор с паяцем и часто улыбалась. Она поняла, что Скеписис дал ей дорожную карту.

Через час Лина Витальевна въехала на белом «пыжике» в Петергоф. Забавный городишко — чудом сохранившийся осколок некогда затонувшей Атлантиды. Парки и дворцы, которые ещё помнили цокот копыт, шуршание дамских платьев и грохот помпезных салютов. Лина проехала мимо музея-училища имени Кирова и вскоре остановила машину у старого кирпичного дома, утопающего в зелени лип.

Она заглушила двигатель и стала вспоминать...

С тёткой Лина просуществовала шесть лет — до восемнадцати. Затем переехала в родительскую квартиру у Парка Победы. Уже на первом курсе Университета она осознала: её «вторая матушка», словно действуя заодно с первыми двумя бесами, породила в ней третьего демона — сексуальную скованность. Запрещала встречаться с мальчиками, пугала «всяческими глупостями, после которых живот пухнет», «заразой спидовой» и прочими страшилками. Все свои комплексы старой девы и отпетой мегеры «добрая» тётушка старательно пыталась привить и племяннице.

И всё же Лина чувствовала: она для чего-то нужна тётке. Одинокая и сварливая женщина по-своему любила и жалела её. Тётушка не признавала мобильных телефонов, поэтому поездка Лины была рискованной занятием. Но только отчасти. Девушка знала, где всегда можно сыскать Веру Павловну — в местной библиотеке, где она до сих пор служила не пойми кем. Опасения оказались напрасными: Лина набрала на домофоне «16», и парадная дверь сразу открылась.

В нос ударил знакомый запах сырости и ветоши. Внутри дома словно ничего не поменялось за последние двести лет. Только оранжевые «кишки» интернет-кабелей, растянувшиеся по грязно-белому потолку, несомненно, портили ретро-колорит. Лина Горячева поднялась на третий этаж и нажала крохотную розовато-чёрную пипку. В левой руке она держала подарки: коробку с тортом и тёплый вязаный шарф.

Старинная деревянная дверь распахнулась — Лина вошла в квартиру. И половицы на полу были те же самые, и тот же спёртый запах древности застыл в воздухе. И тётка не изменилась за год — высокая сухощавая дама с бледным, изъеденным морщинами лицом. Вера Павловна Пална ничуть не удивилась и не обрадовалась внезапному нашествию племянницы. Только молча кивнула седой головой в ответ на приветствие, а потом резво ушла шаркающей походкой в комнату.

Однако едва Лина разулась и разогнула спину, как тётушка вернулась и забрала торт и шарф. Девушка улыбнулась.

Она почувствовала — сейчас будет острота.

— Хороший шарф, — произнесла хозяйка квартиры глухим и низким голосом. — Удавиться на нём — самое приключение.

— Клянусь, Вера Павловна. Когда ехала в машине — так и подумала, что скажешь именно эту шутку.

— Проходи, коли ехала.

Лина Горячева обошла все комнаты, вспоминая тревожную юность. Шесть лет она жила здесь: страдала, привыкала, выросла. Неожиданно в её душе зашевелилось тёплое чувство. Видимо, некая ностальгия.

Квартира тётки была подлинным «музеем древностей». Старинный патефон с огромной позолоченной трубкой. Три гобелена. Хрустальная ретролюстра с мерцающими «каплями слёз» охряного оттенка. Матово-чёрный рояль в углу. Зачем он стоял тут — неизвестно. Тётка за инструмент не садилась ни разу. Множество дубовых шкафов с фолиантами и книгами. Почему-то Лина была уверена, что тётка прочла почти все эти творения.

В просторной зале на стене висела за стеклом большая фотография старого фата в костюме. Он плотоядно улыбался полными губами. Лысая сияющая голова, по бокам — седые остатки волос. Фат залихватски изогнул правую бровь и жеманно прислонил указательный палец к обрюзгшему подбородку. Это был легендарный театральный режиссёр. На его рубашке и костюме в крапинку имелась разухабистая под-

пись: «Да! Именно так! Весь мир наш — действительно театр!»»

Фотография была чёрно-белая. Когда Лина жила здесь, ей всё время хотелось напакостить — щёлкнуть по носу этого заносчивого дядьку или зачеркнуть лишние слова в его собственноручной подписи: «так», «весь», «действительно». Тётка очень дорожила личным знакомством с легендой и устроила бы племяннице взбучку за такие проказы.

Вдруг она увидела на другой стене новинку — плакат цвета ядовитой кислоты. Удалой бритоголовый молодец с острым носом дерзко смотрел на Лину. Большими красными буквами на плакате обозначилась надпись: «Кто убил Лициния Красса?»»

Лина звонко расхохоталась, а потом крикнула:

— Вера Павловна, ты что, слушаешь его треки?

— А я чего — хуже людей? — послышался глухой голос из кухни.

— И кто убил Красса? Как ты поняла песню? — снова крикнула Лина.

— Мне и без песен известно, — донеслось издалека, — кто убил Марка Лициния Красса. А парфиняне сочинили потом легенду...

— Какую легенду, Вера Павловна? — громко сказала Лина и отошла от стены.

— Пустяки, суебесие, — еле слышно пророкотала тётушка из кухни. — Все устали от вранья, каждый третий — как

свинья. Хе-хе... кхм-м. Хватит!

— Хорошо, не буду, — произнесла Лина, улыбаясь, и продолжила своё небольшое путешествие по зале-музею.

На круглом столе лежала толстая книга в бордовом переплёте. Лина прочла надпись на обложке. Золочёные буквы, готический шрифт: «Десять причин ненавидеть империю». Девушка усмехнулась. Она знала: в личных покоях тётки на стене висела в рамке старинная чёрно-белая фотография — Эмма Голдинг.

Пока пили чай на кухне, Лина Витальевна поведала Вере Павловне о своих успехах на службе. Тётка щурила глаза, внимательно слушала Лину и делала осторожные глотки. Проницательная хозяйка квартиры смекнула, что визит племянницы — особый случай.

Девушка допила чай, доела кусок слоёного торта, а потом принялась водить ложечкой круги по блюдцу, размазывая чёрно-белые остатки.

— Чего ты скрипишь? Говори, коли по делу явилась.

Лина посмотрела на старомодное чёрное платье тётки — забавное, с серой тесьмой на груди и блеклой антикварной брошью.

— Вера Павловна, — сказала девушка с грустинкой в голосе, — ты лет десять в этом платье щеголяешь. Смешно...

— Смейся, раз тебя забавляет, — ответила невозмутимая тётка. — А я в этом платье ещё лет десять пощеголять успею. Если планида сложится.

— Как здоровье, Вера Павловна?

— Здоровье — что поп у изголовья.

— Болеешь?

— Не морочь мне голову! — рассердилась тётка. — Дело говори.

Лине захотелось сменить обстановку. Замызганная временем кухня — неподходящее место.

— Вера Павловна, идём в залу?

Тётка села ближе к овалу стола. Лина Витальевна — на расстоянии от хозяйки квартиры. Племянница глубоко вздохнула, посмотрела на чёрно-белую фотографию старого фата, а потом начала:

— Вера Павловна, у меня большие проблемы в жизни.

— Денег не дам, — отрезала тётка.

Лина горько усмехнулась.

— Меня пожирают страхи. Если не избавлюсь от них — край.

— Эк удивила-то, — рассыпала баритончик тётушка.

Племянница расправила спину и пристально посмотрела в серовато-зелёные глаза Веры Палны.

— Я знаю, что смерть матери и гибель отца — звенья одной цепи.

— Догадливая, — съязвила тётка. — И чего хочешь?

Лина сообразила: хватит прелюдий.

— Мне нужен архив.

Глаза тётушки вспыхнули... но она промолчала. Лина ещё

в машине решила начать разговор с блефа. Если не прокатит — тогда мольба. Самый отчаянный метод — угрозы и гнев.

— Вера Павловна, я знаю — архив отца у тебя. Отдай его мне.

— Зачем? — сузила мутные глаза тётка.

Лина малость растерялась. Она не ожидала, что блеф срывает. Это был пробный шар. Девушка надеялась швырнуть его и понять: её расчёты верны или нет? И вот — пожалуйста.

— Я уже говорила тебе. Меня пожирают страхи. Архив отца — это мой спасательный круг.

— Я что-то не вижу логики, — ядовито сказала тётка.

И вдруг она стукнула себя кулачком по колену и резко встала. Отошла от стула ближе к тюлевой занавеске и стала уничтожать гневным взглядом бежевые кружева.

— Вот же порода противная — лезть в самое пекло! — почти крикнула тётка. — Уймись, дурочка. Эти бумажки сгубили отца, потом мать. Теперь ты хочешь сгинуть. Сама себе петлю плетёшь!

Лина тоскливо посмотрела на сторбленную чёрную спину.

— Отдай, Вера Павловна. Прошу, умоляю.

— Как эти окаянные бумаженции могут спасти тебя? — задала вопрос бежевым занавескам тётушка. — Они тебе шею свернут!

Лина вспомнила зелёные глаза госпожи Куклиной.

— У меня в ближайшее время могут случиться некие

неприятности, — металлическим голосом сказала девушка. — И у тебя тоже, Вера Павловна! За мной уже следят, понимаешь?

— Кто? — усмехнулась тётка.

— Дед Пихто! — рассердилась Лина. — Они и к тебе могут прийти. Без торта и прочих презентов. Стальными пальцами за шею возьмут.

— Напугала ёжика, — хохотнула тётушка. — Что они сделают человеку, который не боится смерти? Наоборот, личность давно ждёт её, словно жених невесту желанную... в будуаре. Мне жить — с гулькин хер!

Тётушка по-прежнему стояла спиной к Лине.

— А у тебя, дорогая моя, — горизонты и волны. Не дам!

— Отдай, Вера Павловна, — почти прошептала девушка.

Тётка метнулась к племяннице и встала в трёх шагах от неё. Сложила из пожелтевших костлявых пальцев кукиш.

— На! Выкуси, милая. С маслом.

«Что там второе? — растерялась Лина Горячева, вспоминая висячие губы паяца. — Характер! Точно — надо показать ей характер! Но как?»

Девушка растерянно оглянулась. Взгляд злобно впился в чёрно-белую фотографию, прикрытую мутным и тонким стеклом: обрюзглый фат с лихо изогнутой бровью. «Да! Именно так! Весь наш мир — действительно театр!» Не помня себя, Лина вскочила со стула, бросилась к бледно-жёлтым обоям и сдёрнула деревянную рамку с крючка.

Вера Пална с любопытством взглянула на племянницу. Лина твякнула, как молоденькая болонка, и швырнула добычу на старинный паркет. Стекло разлетелось на миллиарды осколков. Фат уткнулся породистым шнобелем в пол.

— Дура поганая! — выпалила тётушка, села на резной стул и скрестила на груди костлявые руки.

Лина Витальевна тяжело задышала. Время дорого. Пора сразить эту вредную старуху заключительным аккордом.

— Знаешь, чего я больше всего боюсь, — зашипела племянница, — когда смотрю на тебя?

— Скажи, порадуй тётку.

— На закате своих лет стать тобой, Вера Павловна. Старая, полоумная мегера! Одинокая и никому не нужная. Прохожие шарахаются от тебя, как от средневековой чумы. Почитаешь свободу, а сама по натуре — типичный восточный деспот! Я знаю твою биографию: в молодости была подающим надежды филологом, но вляпалась в скандал. Тебя обвинили в краже — стащила редкую книгу из государственной библиотеки. Доказать не сумели, но репутацию ты обвалила в помойную яму. А теперь — мстишь всему роду человеческому за ошибку молодости. Напичкала мне, созревающей деве, idiotских глупостей в голову! Зараза спидовая и прочее. Сама ты, тётушка, — зараза спидовая. Старая... взбесившаяся кляча!!

Лина оторвала ошалелый взгляд от Веры Павловны и уставилась на осколки. Хозяйка квартиры невозмутимо смотре-

ла на чёрный рояль.

— Значит — такая планида твоя, — спокойно молвила «взбесившаяся кляча».

Тётка вышла из зала. Вскоре она вернулась и аккуратно положила на круглый стол массивную пожелтевшую папку. Потом резко сдвинула книгу в бордовом переплёте, словно желала оградить достойное от гадкого.

— Почитай на досуге, — загудела своим почти мужским баритончиком тётка. — В этой папочке не только каракули папочки. Здесь также имеются любопытные записки твоего пращура.

— Какого ещё ящура?

— Почитай, — усмехнулась тётка. — Гори, моя бабочка, гори. Свобода воли — дело такое. Пращур похлеще отца был. Игрок и делец, репортёр и Казанова. Любил деньги и острые ощущения. Пошёл ко дну вместе с нашей Атлантидой.

— Это как? — нахмурилась Лина.

— В начале восемнадцатого года драпанул из Совдепии. На финской границе, у Белоострова, попался в лапы. Отдал красногвардейцам деньги, все бриллианты из подкладок вытащил — и спокойно встал к стенке.

— Я про бумаги отца хочу уточнить, — робко произнесла Горячева. — Там и документы имеются, верно?

— Там всё есть.

— А кассеты? Или — хотя бы одна кассета.

— Всё там найдёшь, — пробаритонила тётка и отошла по-дальше.

Хозяйка квартиры стала крутить медную ручку старинного патефона, потом прислонила иглу к пластинке. Огромная позолоченная труба издала шипение, но помехи вдруг кончились, и Лина услышала волшебное меццо-сопрано:

— *«Я ехала домой, душа была полна...»*

Племянница взяла в руки увесистую пожелтевшую папку и, не глядя на тётку, направилась к выходу из квартиры.

Вера Павловна застыла у патефона и мрачно глядела на охряные обои. Голос чаровницы степенно обволакивал залу: *«Казалось мне, что все с таким участием, с такою ласкою смотрели на меня...»*

Зачастил мелкий и косой дождь. Брюнетка включила «дворники». Со стороны залива на неё надвигалась серовато-пурпурная бездна. Тренер её «футбольной команды» — госпожа совесть — сверлила душу девушки.

«Но ведь иначе... тётка не дала бы архив», — утешила себя Горячева, и по её щеке пробежала тоненькая слезинка.

Когда цель была достигнута и Лина Витальевна уселась в «пыжик», она стала лихорадочно строить маршрут к дому. Изначальный план был такой — затяжной крюк через север Петербурга. Но потом девушка укорила себя за малодушие. Въезжая в Ломоносов, решила уйти на развязку — вернуться к логичному и кратчайшему пути. Возле парка Ора-

ниенбаум ей показалось, что на «хвост» сел преследователь — чёрный автомобиль, столь похожий на гигантскую пиявку. Но перед Кронштадтом здоровяк втопил «под двести» и быстро скрылся из вида. Лина успокоилась. Проехала мрачный Кронштадт, выскочила на дамбу, свернула на развязку. И всё-таки сделала остановку — «островок» из щебёнки. Мрачные небеса и пурпурный залив. Оранжевый фонарь на запертой двери. Знак на заборе: «STOP».

«Хватит терзаться», — подумала Лина и обернулась.

На заднем сиденье лежала массивная пожелтевшая папка. Лина выехала на дорогу. Снова за окнами автомобиля: дамба, Кронштадт, залив, Ломоносов, Петергоф, Стрельна...

«Вот же проклятье!» — чертыхнулась Лина, добравшись до проспекта Стачек.

Каждый пятый автомобиль на дорогах был чёрного цвета. Пора уже свыкнуться и перестать нагнетать страсти. Снова померещилось — её кто-то «ведёт». На Ленинском проспекте она сделала остановку — на город яростно обрушился ливень. Потoki мутной воды заливали стёкла. Дворники на чудовой скорости мелькали перед глазами и дико скрежетали. Ни один смертный не имел права забыть, в каком городе он сейчас находился.

Лина обернулась. На заднем сиденье, по соседству с заветной папкой, расположилась она самая — Мисс Отчаяние. Сверлила спину осуждающим взглядом. Идиотская шляпка едва покачивалась. Платье охряного цвета.

— Не трожь папку там! — рывкнула на унылую клушу Горячева.

Мисс Отчаяние молчала, смотрела и молчала... Спустя четверть часа Лина всё же тронулась и вскоре припарковала «Пежо» у дома. Так и доехали вместе: мадемуазель Горячева, унылая леди и отцовский архив.

Через час ливень кончился. Девушка, прижав к груди заветную папку, словно птица, несущая пищу голодным птенцам, осторожно вошла в свою квартиру. Мисс Отчаяние осталась сидеть в машине.

«Вот и торчи там, — окрысилась Лина. — Мерзотная сволочь».

Тёплый душ, кофе, ужин на скорую руку. Потом Горячева включила ноутбук, настроила свет и положила на блеклую оранжевую скатерть архив отца. Он весело смотрел на дочь с пожелтевшей фотографии на стене.

«Любопытно... очень даже любопытно, — подумала Лина Витальевна, суетливо развязывая полусгнившую тесёмку.

Эпизод седьмой

Никаких кассет в отцовском архиве не было — первое, что осознала Лина, разворошив массивную стопку бумаг. Множество газетных вырезок; источник — издание «Невская трибуна». Автор — Виталий Горячев. Чувствуя в груди трепет, девушка стала перебирать статьи. Родитель писал на разные темы: гласность и перестройка, подростковая преступность, ленинградский Рок-клуб. Одна статья особенно бросилась ей в глаза резким заголовком-вопросом: «Религия — больше не опиум?»

Толстая тёмно-синяя тетрадь с размашистым косым подчерком — дневник Виталия Горячева. Лина только полистала слежавшиеся страницы, будто стеснялась лезть в личные мысли отца, а потом отложила тетрадь.

Взгляд давно косился на некую «папку в папке» — небольшой бювар орехового оттенка с золочёной застёжкой. Отцовские статьи по внешнему виду — безвкусица: монотонные нагромождения текста с непривычным для глаз шрифтом. Ореховый бювар — как эскиз великого художника на серой панели «хрущёвки».

«Наследие пращура», — сообразила Лина Витальевна.

Она отложила советскую безвкусицу, с некоторым усилием открыла золочёную застёжку и вытащила из бювара подлинный артефакт. Плотная тетрадь с мутновато-белой ко-

ленкоровой обложкой, сшитая чёрными нитками. На титульном листе помпезная надпись:

Самойловъ Иванъ Кирилловичъ

Записки

Началь вестн: ноябрь 1906 года

«Почему Самойлов?» — озадачилась Лина Витальевна, с волнением и аккуратностью раскрывая обложку.

Осторожность была кстати. Толстые пожелтевшие листы слежались так плотно, что малейшее резкое движение грозило им разрушением. Лина уловила странный аромат: спёртый и пыльный, острый, притягательный и волнующий.

«Запах ушедшего времени!» — решила она и погрузилась в минувшую эпоху, с великим трепетом листая страницы.

Лина довольно быстро осознала, что советская безвкусица не так уж плоха в сравнении с вычурностью записок предка. Все эти «яти» и «ѣры» — полбеда. Девушка поразилась другому. Записки Ивана Кирилловича — знаковый артефакт эпохи.

«Мышление, образ жизни, — рассуждала Лина, — вот что сбивает с толку современного человека. Наверное, в те времена, когда не было ни «интернетов», ни телевидения, ни суетливого мелькания новостей в ленте гаджетов, люди жили размереннее и насыщеннее. Каждую мысль или яркое впечатление фиксировали на бумаге».

Записки предка — гремучий коктейль, ярчайшая мозаика, в которой сплелось всё на свете: планы на день и на год, соображения, воспоминания, остроты, походы в театр и рестораны. Рефлексия, прикрытая иронией или сарказмом. Дрянной кофе в «Медведе» и беспорядки в Москве. Мерзейшая виолончельная музыка в апартаментах Жоржа и тут же: ирано-тибетские шашни, Портсмутский мир и намечающийся «союз трёх гигантов».

Хорошо, что господин Самойлов хотя бы отметил годы. Лина читала и недоумевала: кем же всё-таки был её предок? В 1905 году он находился в Париже, искал какие-то шифры. Потом вернулся в столицу: бегал от «попа до графа», юлил с неким министром. Служил репортёром в газете «Слово Петербурга»...

И вдруг Лина вспомнила речь тётушки: «Пращур — полхеще отца был. Игрок и делец, репортёр и Казанова. Любил деньги и острые ощущения». И тут же, словно подтверждая характеристику Веры Павловны, в записках Ивана Кирилловича стала мелькать «клубничка» — его страстные любовные похождения. Зизи и Полиночка, графиня Н. К., сорванная дуэль с Павлушей Ранненкампом из-за «огневолосяй бестии».

После 1910 года пошли денежные дела: банкиры, выжига Хохряков, биржевые сделки...

Потом резкий провал: после 1911 — сразу 1913. Снова сумбур из его повседневных забот, а дальше довольно стран-

ная запись: «Марианна свела со Старцем. Любопытный мужик...»

И снова провал — теперь на три года. Лина перевернула пять пустых страниц. Она уже подумала, что записки предка закончились, но тут перед её глазами возникли цифры:

1916

Лина стала читать и ошалела буквально с первых строк:

Она стала являться ко мне, эта Mademoiselle Désespoir. Унылая леди в кичливой шляпке и охряного цвета платье. Таращит на меня, несчастного, свои пустые глаза. Отчаяние пожирает меня...

Куда мы плывём? Куда несётся наш пароход?

Разъедающее разум и сердце ощущение чего-то ужасного накрывает меня с головой. Я тяну одеяло по самую голову — всё пустое. Не могу спать ночами, днём и вечером клюю носом, как измотавшийся извозчик. А утром всегда приходит она — Mademoiselle Désespoir.

Вчера 2-н Добряков подсунул работу — merci, mon maître.

Репортёрское расследование — я ещё не занимался такими делами. Дожил — теперь и я следователь. Что скажут мои покровители с Фонтанки, 16? Добряков сказал: «Ты, Ванечка, оброс таким авторитетом, что никому иному я это поручить не могу». По-видимому, придётся начать

двойную-тройную игру. Не привыкать.

Инцидент действительно любопытный. Они всё-таки добрались до него. По городу ползут, будто гадкие виши, всякие слухи. Кто-то говорит, что там был целый отряд гвардейцев. Моё мнение — вздор, чепуха.

Я не понимаю главного — как он так дёшево попался? Неужели не почувял своим мужицким, почти звериным нутром, что там — западня? Почему он пошёл туда, почему...

Репортёрское расследование, гм. Опыту — nullus. Но происшествие в самом деле занятное. Надо пошептаться с Марианной, встретиться с этим евреем Симоновичем — он был его секретарём. Они что-то должны знать. Как же так — его обдурил этот порочный мальчик, Молодой Князь. Неужто Мужик в самом деле прельстился его супругой? Эрос затмил его разум?

Ведь это и мой грех. Он сам говорил мне тогда, упрёждал: «Уймись, Ванюша. Страсти погубят тебя».

И вот — я жив, а он — мёртв.

Старец говорил про трёх бесов, что пожирают души. Первый — самый из них безобидный. Но мне он пророчил: «Ты, мол, и до последних двух не дотянешь. Тебя первый змей схрумкает — и не подавится». И сам пропал, сам! Как бездарно отдался в лапы убийцам, своими ногами пришёл в логово к одичалым зверям.

Он — мёртв, я — жив. Надолго ли Старец опередил меня? Чувствую, всеми струнами измождённой души чувствую —

скоро и я отправлюсь за ним. Туда — в холодную бездну.

*Эрос, обернувшийся грехом
Когда-то давно я перешёл черту
Нажива, женичины, карты, вино...*

Юношей я имел тело, скованное льдом. И вот — свершилось. Запах кокоток вскружил голову, я увидел новые горизонты. Крайности — это путь к гибели души. Какая пошлая вышла оперетка. Простые истины пришли ко мне слишком поздно. Седые виски, опустошение, темнота. Предчувствие огромной волны, которая вскоре накроет нас...

Проклятые страсти, проклятые! Эрос не должен спать. Но его нужно обуздать! А я, что молоденький необъезженный конь, однажды сорвался и помчался вперёд.

Кончаю писать. Знаю: когда лягу в постель — она придёт. Как живое напоминание о моём грехе. Необузданный Эрос.

Три всадника Апокалипсиса скачут сюда, но мне суждено погибнуть от самого первого.

Средины и финала спектакля я не дождусь...

Лиана закрыла мутновато-белую тетрадь, подошла к окну и взяла в ладонь трофей отца — финку. Добыча, захваченная им в борьбе с психом на Мойке. Девушка почуяла: от деревянной рукоятки ножа в неё медленно проникает тепло.

На обухе — едва заметная гравировка «1916».

«Эрос, обернувшийся грехом, — вспомнила Лина слова предка. — Три беса, пожирающие душу».

Он страшился своего первого демона — алчности. Иван Кириллович был уверен — первый всадник Апокалипсиса мог сгубить его. Необузданный Эрос. Тётка сказала, что пращур «затонул» в начале восемнадцатого года. Встал к стенке. Местечко — Белоостров. Это же почти Питер. Тогда — граница с Финляндией.

«Юношей я имел тело, скованное льдом. И вот — случилось...»

Эрос не должен спать, — мысль предка стала кружить в голове Лины, как пластинка на патефоне, — эрос не должен спать.

Но его нужно обуздать!

Согревшаяся девушка вернула финку на подоконник — как-то нехотя положила её рядом с белой фарфоровой чашкой с полустёртым гербом.

Вернулась к столу, отодвинула в угол записки предка и взяла в руки тёмно-синюю тетрадь — дневник отца. Воспоминания Ивана Кирилловича — занятная штука. Лина почувствовала, что пращур словами передавал ей горячий привет из прошлого. Всё это очень любопытно. Потом надо будет вернуться к запискам г-на Самойлова. Но история закрылась всё же из-за отца. Пора ознакомиться с его мыслями. Девушка вспомнила зеленоватые фонари в глазах Куклиной.

Что там может быть такого, из-за чего в скором времени за архивом родителя начнётся охота?

Виталий Горячев стал вести дневник с 1986 года. Сумбура в мыслях отца было меньше, чем в записках пращура. Личного он почти не писал. Рабочие моменты: ироничные и оригинальные размышления как основа будущих статей. Лина дошла до 1991 года. Её одолела скука.

И снова, как и в записках пращура, — пауза на пять страниц

Неужели всё?

И вдруг...

1991

Иван Кириллович писал про Mademoiselle Désespoir. Кажется, теперь я сообразил, что он имел в виду. Подозреваю: сия унылая леди в кичливой шляпке скоро придёт и ко мне.

Все говорят: брось это дело, опасная авантюра. Убили Фалькова — убьют и тебя. Не гони волну, не дразни зверей...

Нет, дорогие господа и товарищи. Если я «оседлал коня» — за поводья меня не хватай. Как тогда — ночью на Мойке, когда я вцепился ладонью в финку этого идиота. Каюсь, мне лестно, что я одолел его. И она на меня так смотрела потом...

Прапрадед писал про алчность — своего первого беса. Не

знаю, про каких двух бесов писал он ещё, но моя проблема — тщеславие. Намедни встретил Илью Семёновича — он, сгорбившись, шёл по Садовой. Очень обрадовался, когда узнал меня. Как я любил его лекции! Разговорились, затем решили зайти в пивнушку. Я оробел малость. Всё-таки выпивать с бывшим преподавателем — в диковинку.

Я набрался и вдруг разоткровенничался. Каюсь, грешен. Наболтал лишнего, но узнал и много полезного. Илья Семёнович сказал: «В твоём честолюбии ничего зазорного нет. Главное — чтобы амбиции не переродились в тщеславие. Помни про Тимос», — произнёс он, задрвав палец.

Я вспомнил его лекции: Эрос — чувственные желания, страсти. Тот самый бес, которого страшился Иван Кириллович — прапрадед. Эрос — это ерундовина. Мне много злата не нужно. Вот только Марго...

Тимос — стремление к чести и славе, мой благородный гнев. Честолюбие — здесь я могу провалиться в пропасть. Это моя проблема. Но невозможно сдержаться себя! Понимаю, что погряз... Мне надо в Москву — в «ящик». Статейки, фельетоны и прочая писанина — мура. Пора выходить на широкие массы. Я знаю, что нужно начать с малого. Попасть хотя бы на нашу «пятёрку» — на улицу Чапыгина. Вчера говорил с Талашко. Он обещал обсудить вопрос. Полагаю — откажет. Чернявый дьявол со своими «секундами» у них уже есть. Я предложил Талашко более смелый концепт. Помню, как он скривился. Для такой передачи нужно иметь

«покрышку». У меня её пока нет. У чернявого — есть.

Фальков пел: «Комсомольская шарага назвалась программой «Взгляд»...» Здесь я не согласен. Они не комсомольцы — чепуха. Они в самом деле — «битлы». Смелые и даже отчаянные. Я хочу так же...

Фалькова убили в «Юбилейном» — странная история. Неделию назад говорил с главным редактором «Невской трибуны». Он малость ошалел. Тихонько сказал: «Попробуй. Поглядим, что выйдет. Но предупреждаю — дельце опасное. Если тебя занесёт на повороте — спасти не смогу».

Что удалось узнать. Итак.

В коридоре началась заварушка. Разбушевался хахаль этой черноволосой пантеры — какой-то мутный гангстер, бывший артист, кстати. Мне сказали о нём: скорее играет в бандита, соответствует эпохе. На самом деле — неоднозначный тип с двойным дном. Не такой уж и тупой. Цитирует наизусть Есенина. Отчислили с театрального вуза — с той поры связался с одной московской братвой.

Пошла свара — охранники Фалькова завалили гангстера на пол. Неподаляку сходил с ума этот мутный импресарио певца — задиристый еврейчик. Гангстер успел имальнуть из своего газового пистолета. Две пули никого не задел. Потом — три выстрела в Фалькова. И всё — финиш.

Там было много артистов. Кто-то из них что-то видел или слышал. Я достал список выступающих — наших мало. Почти все — москвичи. Но один из питерских звездунов всё

же был там — готовился к выступлению. Надо разыскать его и разговорить. Задача не из лёгких. Как же ему развязать язык?

Вчера говорил по телефону с Москвой. Марго свела меня с Мариной — журналисткой из «Столичного вестника». Голос у неё был очень взволнованный. Она сказала, что готова кое-что рассказать, только не по телефону. Утром достал билет на «Красную Стрелу» — завтра в Москве. Поширикаю с этой Мариной.

Тимос несёт вперёд. Что дальше — не знаю. В редакции меня схватил за рукав этот смазливый чудак с экзотическим именем, как у молодого князя из записок прапрадеда. Смешной парнишка. Вышли покурить. Он сказал, понижая свой тенорок почти до свистящего шёпота: «Виталий, это опасное дело. Не лезьте туда. Не надо».

Надо, Феликс, надо!

Лина Витальевна закрыла тёмно-синюю тетрадь. Взглянула на часы — без четверти пять.

«Боже! — поразились девушка. — Спать, скорее спать!»

Винегрет из исторических событий набился в её голове с горочкой. Она спешно переделась в фиолетовую пижаму и рухнула в постель. Где-то рядом сидела пантера, дымилась холодная бездна.

Через час Лина заснула...

Открыла глаза — будто и не спала. Одиннадцать часов утра. Горячева приняла душ, сварила крепкий кофе. Когда взбодрилась напитком, подошла к подоконнику. Взяла в ладонь финку — снова почувяла тепло.

Разум девушки начал работать.

Предок вёл репортёрское расследование загадочного убийства того самого Старца. Отец вёл журналистское расследование не менее странного преступления — убийства певца Фалькова. Интересные дела, потом нужно обязательно дочитать до конца их вирши.

Главное — страхи родственников. Предок боялся первого беса — Эроса, обернувшегося грехом. Отец не боялся этого Эроса, но откровенно признал наличие у себя честолюбия. Тимос — благородный гнев.

Любопытные умозаключения из темноты веков от древнегреческого мудреца.

Значит...

Предка сгубил Эрос
Отца сожрал Тимос
И был ещё третий бес...

«Это и мои страхи, — рассуждала Лина Витальевна, плотно сжимая в ладони тёплую деревянную рукоять финки. — Вывод, но какой же я сделаю вывод? Что там вещал паяц?»

И вдруг... темнота чуть отступила от разума.

Дела предка — прелюбопытные похождения, но... миновало слишком много времени, чтобы внести ясность. Надо бы дочитать до конца записки Ивана Кирилловича, но ждать от него спасения не стоит. Именно. Почерпну ещё любопытных сведений, — рассуждала Лина, — уже будет славно.

Дневник родителя — тут теплее.

«Чтобы одолеть своих демонов, я должна узнать, кто убил отца!» — подвела черту Лина Витальевна.

И тут раздался звонок — яркими космическими вспышками замигал её новенький iPhone 15.

Эпизод восьмой

— Лина Витальевна, привет, моя дорогая, — проворковал в трубке сладостный голос госпожи Куклиной. — Как твои успехи?

— Спасибо, Маргарита Васильевна. Всё хорошо.

— Ты нашла... о чём мы с тобой говорили?

Горячева посмотрела на ядовито-оранжевую скатерть, где лежали мутновато-жёлтая папка, стопки бумаг, тетрадь и ореховый бювар.

— Нет, я ничего не нашла.

Томительная пауза. Потом снова заговорила Куклина:

— Линочка, с тобой хочет встретиться один интересный человек. Его имя — Феликс Михайлович. Мой хороший знакомый.

«Феликс! — вспомнила девушка. — Неужели этот смазливый чудака из отцовского дневника?»

— Зачем мне встречаться с ним?

— Тебе предстоит довольно интересный разговор, — сказала госпожа Куклина прежним сладостным голосом. — Ты свободна сегодня?

— Пожалуй, свободна.

— Как будешь готова — подъезжай в отель «Атлантида». Знаешь, где он находится?

— Кажется, в центре.

— Верно, моя дорогая. Набережная реки Мойки. Помпезное здание — восемь этажей, сверкающих и манящих. Он ждёт тебя. Пройди на ресепшен — девочки проводят. Феликс Михайлович — управляющий отелем.

— Маргарита Васильевна, — сказала Горячева твёрдым голосом, — но я не собираюсь продавать квартиру. Зачем мне ехать в отель?

— Приезжай, дорогая, — ехидно проворковала Куклина и рассыпала хохоток. — Зайдёшь в лобби, а потом подходи к ресепшен. Чао!

Разговор кончился — послышались гудки.

Лина Витальевна посмотрела на блёклый ретрокалендарь за тысяча девятьсот девяностый год. Русый герой с очень пронзительными голубыми глазами. Тот самый певец. Потом перевела взгляд на финку.

Точно получив некий сигнал от потомка, девушка ринулась к столу и начала суетливо укладывать все тетради и бумаги в мутновато-жёлтую папку. Затем остановилась. Плюхнулась на шатающийся красноватый стул из карельской берёзы и снова перечитала отрывок из дневника родителя — место, где он писал про смазливого чудака с экзотическим именем.

Почему-то снова стала перебирать статьи отца — вырезки из газеты «Невская трибуна». И вдруг заметила, что одна бумага — явно из другого издания. Большая статья на всю полосу: «Новые времена — новые вызовы». Строгий прямо-

угольник чёрной-белой фотографии — элегантный мужчина среднего возраста. Кажется, шатен. Костюм с галстуком. Скользкие глазки, проникающие в душу даже через размытую временем бумагу.

В конце публикации значилось имя журналиста — Степан Архангелов. Лина ещё раз перебрала газетные вырезки. Автором всех статей и заметок был её отец — Виталий Горячев. Кроме одной.

«Новые времена — новые вызовы». Автор — некий Архангелов.

Самая любопытная деталь — тонким химическим карандашом синего цвета оказалось выделено полное имя героя статьи — Руслан Борисович Воронцов. Лина быстро пробежалась глазами по строчкам. Она прервала чтение на середине. Всё стало ясно — типичный заказничок. Первая часть — дифирамбы человеку новой формации. Середина — большое интервью с Воронцовым. Финал — «малиновый поцелуй» в его мягкое и срамное место. Последнее предложение: «Именно такие люди нужны новой России».

Разумеется, девушка знала, кто такой господин Воронцов. Один из самых богатых людей Петербурга, а может, и России. Воротила и меценат. Кажется, что он — далеко не юнец. На этой фотографии ему примерно лет тридцать пять. Значит, сейчас — около пятидесяти пяти.

Лина вернула все бумажные артефакты в папку. Подумала, а потом отнесла архив отца в коридор. Засунула его на

верхнюю полку шкафа.

Позвонила наставнице и грустным голосом попросила отгулов — якобы приболела. Затем стала нарезать шаги по кухне-музею.

«Феликс Михайлович, — усмехнулась Лина. — А не сходить бы этому господину управляющему в баню? Ехать к нему — ага».

Через три часа Горячева перевоплотилась в деловую леди. Девушка критично осмотрела себя в зеркале. Заметила, что стала немного похожа на госпожу Куклину: строгий серый пиджак, яркий макияж, чёрные брюки с полоской. Лина взяла в руки сумочку Gucci и вышла из квартиры.

Беда с парковкой на набережной реки Мойки. Пометавшись на белом «Пежо» четверть часа, Лина наконец-то нашла место. Вышла из машины и направилась к помпезному зданию в самом центре города на Неве. Отель «Атлантида» искрил волшебными светло-лиловыми вспышками — почти мистическая картина. Тёплый день августа. Прохожие...

В памяти снова всплыла сладенькая песенка из недалёкого прошлого. Лина шла по тротуару и напевала её. Удивительное дело: она осознала, что помнит наизусть все строчки этого «малинового варенья». Робкий юноша случайно столкнулся взглядом с красоткой на беспокойной улице и теперь страдает.

«Девушка была знойной брюнеткой», — почему-то решила

Горячева и улыбнулась, заметив своё отражение в витрине отеля.

Сверкающий лобби, кучка иностранцев с чемоданами и раскосыми глазами, улыбочивая девушка на ресепшн. Она любезно провела гостью на второй этаж. Лина увидела белую дверь и табличку на ней:

Управляющий отелем
Негодяев Ф. М.

«Прикольная фамилия», — подумала Лина и усмехнулась.

Ещё одна улыбочивая дама в строгом чёрном костюме — секретарша. Она постучала в ореховую дверь костяшками пальцев, а потом распахнула её, и Горячева вошла в кабинет господина Негодяева.

Стол буквой «П» и проектор на стене. Довольно пошловатые обои нежно-розового оттенка. С чёрного кожаного кресла вальяжно поднялся высокий элегантный мужчина в пепельно-сером костюмчике. Зализанный пробор на голове, шатен. Тонкие черты смазливового лица. Весёлые ярко-синие глаза. Явно завсегдатай фитнеса и прочих новомодных движений. На первый взгляд ему было... лет тридцать пять.

— Лина Витальевна, рад приветствовать. Прошу, — красавец указал ладонью на кресло напротив себя.

Горячева уселась на мягкое сиденье. К правому бедру она

прислонила чёрную сумочку Gucci. Девушка решила молчать и слушать.

Бонвиван в пепельно-сером костюме оценил холодноватое обаяние визитёрши, обжёг Лину очаровательной улыбкой и сел в своё кресло.

— Как вам отель? — начал беседу господин Негодяев.

— Шикарное место, но у меня есть жильё.

Феликс Михайлович покачал зализанным пробором. Он словно не заметил ехидства в голосе гостыи.

— Желаете кофе или чай?

— Желаю приступить к делу, — отрезала Горячева. —
Слушаю вас.

Негодяев постучал пальцами по столу, немного помолчал, а потом снова обжёг девушку ярко-синей вспышкой из глаз.

— Отель у нас в самом деле занятный. Почти мистический, — как-то невесело усмехнулся управляющий и спрятал взгляд в стол. — Две недели назад случилось неприятное событие. Даже не знаю, с чего начать беседу. Заполняемость номеров упала в два раза.

— Феликс Михайлович, я же не ваш инвестор. Зачем вы жалуетесь мне на свои проблемы?

— Я бы желал иметь такого инвестора, — с грустной улыбкой сказал управляющий.

Лина с удивлением ощутила в груди некое... броуновское движение. Compliment явно понравился ей. Она даже чуть зарумянилась.

Негодяев вдруг резко встал и прошёл к окну. Потянул за верёвочку, и белые полосы убежали ввысь. В кабинете стало светлее.

— У нас такое шикарное место — центр Питера, — задумчиво молвил управляющий, изучая глазами некий объект за окном. — Рядом находится Юсуповский Дворец. Вы знаете, что там случилось когда-то?

— Поведайте, — тихо произнесла Лина, ощущая в сердце диковинное копошение.

— За два месяца до февральской революции... там убили Старца. Это был настолько колоритный персонаж, что ещё много лет после смерти он волновал людей. И не только наших.

— Я читала про него, — сказала Лина Горячева, заполнив паузу в этой странной беседе своей репликой.

— И теперь он передал «привет» одному шустрому Попрыгунчику... и всем нам.

Негодяев наполовину закрыл окно белыми полосочками и остался стоять на месте. Потом обернулся к гостье и сказал:

— Вы слышали эту новость?

— Нет, — ответила Лина, нахмурившись. — Да что случилось? Что за «тайны мадридского двора»?

Господин Негодяев как-то неловко дёрнул губами.

— Едрид-мадрид! — отпустил вдруг резкую шутку управляющий и ещё раз горько усмехнулся. — Очень неприятный инцидент... да. Наша пиарщица уверяла меня — событие бу-

дет не во вред, а на пользу. Но... она ошиблась! Человеческие души — потёмки.

Негодяев помолчал, потом в его синих глазах на мгновение появился некий калькулятор, и он заявил:

— Я лишил пиарщицу квартальной премии. Темнота людских душ — такое оправдание не для нашего бизнеса.

— Сурово, Феликс Михайлович.

— Пиарщице будет наука — пусть более не городит чуши.

Лина едва улыбнулась. Эта игра её забавляла. Она молчала и ожидала, когда господин Негодяев продолжит беседу. Управляющий, словно хитрый котяра, вернулся к столу, замер у чёрного кресла, а потом лукаво взглянул на гостью.

— Лина Витальевна, признайтесь. Вам любопытно узнать: что такого случилось в нашем отеле?

Горячева припомнила ореховый бювар из отцовского архива.

— Да, очень любопытно, — сказала она с придыханием.

— Я расскажу вам обо всём, но только завтра и не здесь. Хорошо?

— А где же?

— Я приглашаю вас в ресторан. В девять вечера приезжайте сюда. Я выйду в лобби, и мы направимся в одно уютное местечко.

Лина растерялась. Она не знала, что ответить этому красавцу.

— До завтра, госпожа Горячева?

— Я подумаю, — твёрдо сказала девушка, взяла чёрную сумочку в руку и встала с кресла.

Лина села в белый «пыжик» и почти час не заводила двигатель. Она ждала Господина Скепсиса. Но паяца не было. Мисс Отчаяние тоже не села в автомобиль. Горячева раз десять крутила головой — унылой леди сзади не наблюдалось.

«Что же выходит, — думала она, — значит, всё идёт как надо?»

Когда принимала душ, вспоминала беседу в отеле. Тёплые струи воды омывали её точёную фигуру. С гладких тёмных волос медленно стекала по обнажённому телу светло-пурпурная пена от иноземного шампуня.

Некий инцидент в отеле «Атлантида». Загадочный Старец...

Через час девушка уже листала пожелтевшие страницы записок г-на Самойлова. Из старенького магнитофона еле слышно звучала музыка — Лина Витальевна включила «Радио Классика».

Три всадника Апокалипсиса скачут сюда, но мне суждено погибнуть от самого первого.

Средины и финала спектакля я не дождусь.

Лина с трепетом перелистнула страницу.

Удивительный февраль — революция!

Восторженные толпы на улицах, лозунги и кумачи, солдаты сбивают прикладами орлов с фасадов государственных учреждений. Как же быстро рассыпалась Империя! Странные чувства: ожидание перемен, тревожность, душевная чехарда...

Я твёрдо уверен: события той ночи во владениях Молодого Князя — следствие! Именно так. Редактор Добряков будто свихнулся. Он уже не дёргает меня, как раньше. А теперь — и не нужно. Я сам закусил удила, точно резвый жеребец.

Вчера узнал потрясающую новость — это сенсация! Оказывается, Марианна была там! Вместе с подругой, любовницей Великого Князя — Верочкой. Они разыграли целый спектакль. Балерина Верочка изображала супругу хозяина. Марианна — за компанию. Старец клюнул на приманку: он был уверен, что на втором этаже происходит журфикс. Пошлость, какая пошлость! Кровавый фарс.

Итак, мне известен полный состав участников преступления: Великий Князь, Молодой Князь, Лысый Депутат, Офицер, Доктор. И был ещё один человек — репортёр, мой коллега Андриан Валентинович Грушевский. Его явно пригласил возжак этого фарса — Великий Князь. По-видимому, очень желал, чтобы потом репортёр изложил «грандиозное событие» на бумаге — на добрую память. И вот итог —

крах монархии. Князя сбегали.

Мне надо обязательно сыскать Грушевского! Коллега должен был в точности всё запомнить. Я уверен — такую мерзость запомнили они все. Но Грушевский, как и я, — репортёр. Он отсеет лишнее. Только бы сыскать его поскорее. Он не спешит публиковаться. Вопрос — отчего? Что же случилось такого?? Вчера также узнал — Грушевский уехал в Москву. Наивное бегство. Куда и зачем он торопится? Я его разыщу, обязательно разыщу.

Старец убит. Красно-чёрный февраль. Тревога и маета... Часто поминаю Пушкина: «Плывёт. Куда ж нам плыть?»

Страсти в Отечестве, морок какой-то, страсти и темнота...

Лина закрыла тетрадь. Чуть прибавила радио — из колонок струилась виолончельная музыка. Девушка отправилась в Сеть... Набрала в поиске: «происшествие в отеле «Атлантида» на Мойке». Вскоре она увидела ссылку и перешла по ней. Интернет будто бы не желал раскрывать тайну — внезапно всё зависло. Лина сжала тонкие губы, в раздражении пощёлкала мышкой. Закрыла вкладку, а потом заново перешла на неё. Есть!

Заголовок: «Загадочная смерть в отеле «Атлантида». И вдруг девушка нажала крестик — закрыла сайт. Лина осо-

знала: в ресторане она всё узнает.

Завтра

Так интересней

А сейчас — спать

Рассуждения перед сном отлично помогали бороться с демонами, как и в эту ночь. Лина думала о своём змеёныше.

Страх секса — самый изысканный из всех человеческих парадоксов. Он прячется не в теле, а в душе; не в скучной и примитивной физиологии, а в странной и загадочной философии. Как готический замок с его шпилями и витражами, он красив в неприступности, величественен в одиночестве — и, так же как замок, боится распахнуть двери навстречу весне.

Мы боимся не прикосновений — мы боимся прикосновения без брони. Не той, что из стали и заклёпок, а такой, что сотворена из отстранённости, иронии, холодного взгляда поверх бокала с вином. Сорвать эту броню — всё равно что заявиться на маскарад без маски: вдруг увидят, кто ты на самом деле? Разумеется, и так знают, но правила игры требуют носить эти гнусные личины: чопорность и недоступность. Недотрога с глазами блудницы.

Всегда проще быть холодной и робкой статуей, чем любовницей. Ведь мраморная статуя не может ошибаться, дрожать, не может желать — значит, она не способна быть уяз-

вимой.

Общество только помогает строить такие замки. Оно учит: желание — это слабость. Страх желанья — ещё большая слабость. Страх перед страхом желанья — уже почти патология. И вот мы кружим в этом танце, как тени на стенах готического собора: стыд порождает стыд, страх множит страх, а мы всё укрепляем стены, витражи, башни — лишь бы никто не догадался, что за ними есть кто-то живой, горячий и даже, помилуй бог, страстный.

Секс пугает не тем, что он есть, а тем, что он меняет. Секс — как ключ, который открывает дверь в другого себя. И это новое «я» может оказаться не таким безупречным, не таким «красиво-холодным». Может и рвануть, как бочка пороха. Человек способен издать крик, прости господи, рассмеяться невпопад, рискует стать искренним. Быть настоящим — это действительно возмутительно. Куда спокойнее оставаться скульптурой в нише собора: все восхищаются, любят, шепчутся — никто не посмеет согреть ладонями мрамор. Злые таблички со строгими надписями запрещают: «Не трогать!»

И всё же... В каждой башне имеется окно. В ножнах восковых рыцарей зачастую хранятся всамделишные мечи. В каждом витраже есть трещинка. В готическом замке, даже самом неприступном, живёт эхо чьего-то голоса.

По-видимому, именно в этом кроется тайна: страх секса — это боязнь жизни. И победа над ним — не капитуляция

перед вождением, а согласие быть самим собой.

Эпизод девятый

Светло-пурпурные сумерки накрыли северный город. Чуть розоватые облака бросили мягкий отблеск на золотой купол Исаакиевского Собора. По его колоннаде гуляла подвыпившая компания. Две красотки расшалились: принялись лить воду на головы горожан из пластиковых бутылок. Наверное, у них был секс накануне. Разумеется, не друг с другом, а со своими пылкими любовниками. Страсть, не скованная правилами и циркулярами.

Государь Николай Павлович с гневом наблюдал за шалостями девиц, норовил дать коню шпор, соскочить с мраморного пьедестала и прекратить такие безобразия. Но любимый жеребец императора по кличке Амалатбек, встав на дыбы, замер навеки. Бронзовый властелин грозно сверкал глазами, но ничего поделывать не мог. Он был хоть и государь, а всего только памятник, окружённый оградой, а девицы были живыми, из плоти и крови. Шалили они сегодня сверх меры, правда, но не пороть же их за это плетью на Исаакиевском сквере. Да и сам царь был тот ещё, так сказать...

Внезапно в центре города пропал Интернет. Растерянные официанты, краснея и запинаясь, просили расплачиваться наличными. Толстопузый фат в одном гостиничном ресторане встал во весь рост и, обдавая окружающих перегаром, начал утверждать, что сейчас он сделает звонок и «Интерне-

тал появится как миленький». Его пышнотелая спутница в бордовом платье, по всем признакам являвшаяся его законной супругой, вцепилась в руку этого толстяка и с ядовитым шипением стала умолять так не делать.

Утончённый денди в кремовом костюмчике закатил у белых колонн Манежа истерику — не мог завершить поездку на жёлтом электросамокате. Водители некоторых каршеринговых автомобилей, находящихся в центре, также дрогнули духом.

Удивительный месяц август в Питере! Чего только не случается.

Лина вошла в искрящееся лобби отеля, с удовольствием отметила мягкий свет и без промедления двинулась к зеркальному столику, а затем почти утонула в нежном диване. Девушка выпустила ручки сумочки Gucci, со смущением поправила юбку и огляделась. Обычная гостиничная маета — ничего интересного.

Лина долго раздумывала: что же надеть сегодня? Те самые строгие брюки или чёрную юбку? Остановила выбор всё же на юбке — давненько не щеголяла в ней. Чёрные обтягивающие колготки и сиреневый свитер. Пока шла от машины к отелю, словила много мужских взглядов. Откровенные, жадные, раздевающие почти до наготы. Робкие, скользкие, словно тёплый июльский ветерок. И, конечно, оценивающе-завистливые — женские.

«Значит, оделась я правильно», — подытожила Лина.

Появился Феликс Негодяев. Тот же бонвиван в тёмно-сером костюме и с обжигающими синими глазами. В руке он держал стильную рыжую сумку — забавный атрибут петербургского модника. Они сдержанно обменялись приветствиями и вышли на улицу. Вскоре парочка перешла по «зебре» на другую сторону и вышла к набережной. За их спинами желтел фасад того самого Дворца. Горячева успела рассмотреть его белые колонны у входа. Бонвиван провёл девушку до Фонарного моста, а потом повернул направо.

Феликс Михайлович вёл себя правильно: тихим голосом нёс какую-то чепуху, сдержанно шутил, один раз ловко оградил спутницу от высоченного юноши с всклокоченной шевелюрой, что мчал на жёлтом электросамокате. Впереди Горячевой и Негодяева шла ещё одна знойная парочка: мужчина по-братски положил крепкую ручищу на свою, по-видимому, супружницу. Почти лёг на неё корпусом, будто готовился сделать борцовский приём, и что-то тихонько напевал. Причём даму столь вольное обращение ничуть не смущало. Показалось даже, что ей нравится — значит, любит.

Лина Горячева внимательно изучила местность на карте. Подумала, что Феликс Негодяев приведёт её к знаменитому ресторану «Сковорода» — хорошие отзывы, приличная кухня. Однако кавалер остановился у вывески с яркими и кричащими бордовыми буквами, которые сложились в весьма оригинальное название: «ЕДЬБА». Пожилой швейцар в зо-

лочёной ливрее с поклоном раскрыл двери.

«Куда там запропастился мил дружок Скепсис?» — озадачилась Лина, входя в просторное помещение заведения.

Однако она моментально сменила кисленькую гримасу на лице, когда рассмотрела чудной интерьер ресторана — здесь всё искрилось броским обаянием шика. Элегантные официанты в чёрных одеждах, супермодель на входе — длинноногая госпожа Хостес. Феликс Негодяев явно подготовился к встрече. Ослепительная красотка провела пару на самое лучшее место — в дальний угол с чуть приглушённым светом. Бордовая скатерть с золотыми кистями, сверкающие приборы на асимметричном овале стола. Пальма в золочёной кадке. Лина села на резной стул с мягким сиденьем, оставила в покое чёрную сумочку Gucci, а потом расплылась в улыбке.

— Почему вы так мило улыбаетесь, Лина Витальевна? — задал вопрос Негодяев, устраиваясь напротив дамы.

— Первое: мне здесь нравится. Золотые и бордовые тона — удачное сочетание. Второе: настоящая пальма. В моём рабочем шатре тоже стоит пальма — только неживая. Третье: крутой стол. Я обожаю асимметрию.

Лина подметила, что кавалер расположился в самом удачном месте — ближе к полукругу стола, словно парусник в заливе. Она сидела впритык к овальному изгибу, будто оседлала волну.

— Почему вы назвали свой кабинет шатром? — спросил Феликс.

— Я же целительница, — без всякого жеманства ответила Лина.

Подошёл чёрный официант, разлил комплимент от шефа по длинным фужерам с тонкими ножками, а потом принял заказ. Лина выбрала салат из хрустящих баклажанов и каре ягнёнка. Феликс заказал более экзотические блюда — салат «Тай с папайей» и лукун из говядины.

С вином вышла заминка. Лина неуверенно предложила пить белое.

— Нет-нет, — категорично заявил Негодяев. — В таком колорите надо наслаждаться только красным сухим.

— Хорошо, — сдалась девушка. — На ваш выбор, в красных я не особо разбираюсь.

— Château Mouton Rothschild, — сказал Феликс Михайлович Негодяев, как завзятый француз из региона Бордо, — десять лет выдержки. Пока всё, вы свободны.

Официант вскинул брови — точёные, как ноги Лины, обёрнутые в чёрные колготки, — затем поклонился и удалился.

Горячева пригубила ядовито-бирюзовый комплимент от шефа. Вкус был довольно оригинальным — пряным и будто отдающим базиликом. Она поставила фужер на бордовую скатерть и внимательно посмотрела на кавалера. Негодяев ответил ей свечением синих глаз, потом улыбнулся и перевёл взгляд вверх головы девушки.

На небольшую сцену в дальнем углу ресторана вышли

трое лабухов-музыкантов и полная дама в обтягивающем розовом платье. Вскоре они взялись за дело. Певица довольно приятным меццо-сопрано запела что-то на иноземном наречии, лабухи ловко залабали на инструментах.

Негодяев снова взглянул на Лину Горячеву, а потом заговорил:

— Вы тоже это не любите?

— Неловкое молчание? — быстро ответила девушка и разочарованно протянула: — Как банально, Феликс Михайлович.

Кавалер рассыпал сдержанный смех на бордовую скатерть, залился краской, а затем со смущением посмотрел на Лину.

— Простите, в самом деле — банально. Я бы даже сказал — пошло.

— Феликс Михайлович, я готова выслушать вас, — «завела двигатель» этой встречи Горячева. — Что же случилось в вашем отеле?

— Не будем торопиться, Лина Витальевна, хорошо?

— Только если вы не будете говорить пошлостей.

Кавалер потерзал правой ладонью левую, а потом произнёс:

— Что ж. Я готов заслужить прощение. У меня есть для вас довольно интересная история. Это ещё помимо случая в отеле. Кстати, я надеюсь, вы ничего не стали гуглить в Сети?

— Сначала хотела, но быстро передумала. Говорю честно:

я не знаю, что приключилось в вашей «Атлантиде».

— Замечательно! — вспыхнул своими синими фонариками бонвиван. — Случай в отеле... будет нашим десертом сегодня.

— Хорошо, Феликс Михайлович. А покамест расскажите мне первую сказочку.

— Покамест, — сказал Негодяев и лукаво улыбнулся. — Какое редкое слово.

— Извините, я имею странную привычку: временами вставляю в речь ретрословечки. Шалость девочки, воспитанной начитанной тётушкой. Если вас раздражает — я не буду так говорить.

— Что вы, Лина Витальевна! — расплылся в белой улыбке Негодяев. — Наоборот, это очень очаровательно. И весьма в тему нашей встречи.

Горячева сдержанно улыбнулась и слегка кивнула.

— Покамест, — ещё раз произнёс забавное слово кавалер.

— Феликс Михайлович, прошу прощенья за навязчивость, но я готова слушать вашу первую историю.

— Я тоже прошу прощенья, — сказал Негодяев серьёзным голосом. — Но эта история настолько деликатная, что я бы хотел рассказать её, когда нам принесут блюда и оставят в покое.

Лина внимательно посмотрела на собеседника.

— Тогда я желаю задать вам вопрос, Феликс Михайлович.

— Слушаю.

— Вы же знали моего отца?

— Да, знал, — покачал сверкающим зализанным пробормом Негодяев. — Печальная история. Мне очень жаль. Более того, я предупреждал вашего отца, что дело, которым он занимался, — очень опасное. Но разве Виталия мог кто-нибудь остановить? Он был суперзвездой тогда — самым матерым журналистом нашей газеты. Невероятно смелый человек. Мы все смотрели на него снизу вверх.

— Сколько вам лет, Феликс Михайлович?

— Сорок один.

— Вы прекрасно выглядите. Я думала, что вам лет тридцать.

— Благодарю, — улыбнулся Негодяев.

— Скажите, а как вы из журналиста перевоплотились в гостиничного работника?

— Перипетии, — вскинул вверх длинные пальцы кавалер.

— Причуды судьбы.

Горячева заметила дорогой перстень на левом указательном пальце бонвивана. Кажется, сапфир. Тёмно-синий, искрящийся.

— Вы не женаты?

— Увы, нет, — сдержанно улыбнулся одинокий мужчина.

Лина Витальевна нахмурилась, а потом сказала:

— Я хочу задать довольно неожиданный вопрос. Вы — человек со связями. Возможно, вам приходилось его встречать.

— О ком это вы? — спросил Негодяев, взял фужер и напился ядовито-бирюзовым комплиментом.

— Известная личность — Руслан Борисович Воронцов.

Негодяев рассмеялся, вернул пустой фужер на бордовую скатерть, а потом вальяжно откинулся на резном стуле.

— Я бы сказал так: весьма известная личность, Лина Витальевна.

— Вы его знаете? — тихо произнесла девушка.

— Разумеется. Руслан Борисович — мой босс.

— Вы серьёзно?

— Конечно. Иначе это была бы слишком банальная шутка, а мы с вами заключили договор. Воронцов, в том числе, ресторатор и отельер.

— А ещё кто?

Негодяев вздохнул, будто слегка раздосадованный тем, что беседа свернула в деловое русло.

— Инвестор, владелец двух металлургических комбинатов, также имеет солидную долю в ритейле. Он миллиардер, Лина Витальевна.

— И как вам трудится под его руководством?

Негодяев устало вздохнул, а затем произнёс:

— «Минуй нас пуще всех печалей...»

— «И барский гнев, и барская любовь», — закончила фразу девушка. — Феликс Михайлович, я отлучусь ненадолго.

Когда Лина вернулась из дамской комнаты, по мужским

делам ушёл Негодяев. Скоро он вернулся, они поболтали ещё десять минут просто так, а потом к ним явился чопорный официант с точёными бровями.

На столе появились блюда, а также изящная бутылка Château Mouton Rothschild. Лакей ловко откупорил пробку и разлил по фужерам гранатово-красную жидкость с пурпурным оттенком.

— Благодарю вас. Не тревожьте нас больше. Если вы понадобится — я сам подойду к бару.

Официант кивнул и торопливо скрылся в мерцающем золотисто-бордовом антураже ресторана. Со сцены продолжал литься приглушённый, ненавязчивый джаз. Лина и Негодяев приступили к трапезе, обмениваясь репликами, какими обычно делятся посетители ресторанов, вкушающие яства. Девушка быстро прикончила своего ягнёнка. Протёрла салфеткой красные губы — аккуратно, по краям, — а затем лишь поковыряла в тарелке хрустящие фиолетовые дольки и стала выжидательно смотреть на спутника. Феликс Негодяев осилил только половину лукума из говядины, так как часто отвлекался на салат «Тай с папайей».

Мужчина заметил пристальный взгляд спутницы, отложил приборы, а потом так же протёр припухлые алые губы салфеткой. Девушка пригубила вина, оставила фужер в ладони и снова уставилась на собеседника острым взором. Её серо-голубые глаза говорили одно: «Ну, начинай».

— Лина Витальевна, — размеренно произнёс Негодяев

медленными движениями ладони, натирая перстень, — знаете... я никогда не ходил, гм, к психологам.

— Неудивительно. Наши клиенты — женщины или семейные пары. Одинокие мужчины — большая редкость.

— А мне есть что рассказать психологу.

— Любопытно. Поделитесь?

— Да-с, — кивнул бонвиван. — Знаете, я не коренной житель Питера. Приезжий, из области. Городишко — Сосновый Бор.

— Замечательный городишко. Бывала там пару раз — летом.

— Так вот, Лина Витальевна. На первом курсе Универа я жил в общежитии — на Васильевском острове. Знаете, я тогда был совсем скромняга, хотя и нравился многим девушкам. Но мне не хватало... раскованности.

Негодяев как-то виновато улыбнулся.

— Знакомая песня, — спокойно сказала Лина Горячева, постепенно погружаясь в роль целительницы.

— В нашей общежитии жила четверокурсница — яркая брюнетка с очень стройными ногами и, прошу прощенья, с весьма сочной попой.

Горячева сделала серьёзное усилие, чтобы не улыбнуться.

— Вы же помните, что это такое — первый курс и четвёртый. Один год разницы — и то часто пропасть, а три года — бездна.

— Помню, — металлическим голосом произнесла Лина,

вспомнив про своего второго демона.

— Однажды я стоял на улице, рядом с общагой. За брюнеткой заехал её приятель — байкер на мотоцикле. Она уехала к нему на сиденье... и они уехали, оглушив меня стрёкотом. Я стоял как пришибленный... и долго ещё не мог сдвинуться с места. Знаете, почему?

— Вы подумали: на его месте должен быть я?

— Нет, — улыбнулся какой-то странной улыбкой бонвиван и покачал набриолиненным пробором. — Так я подумал потом, после этого случая.

— Простите, тоже сказала банальность. Будем считать, что у нас ничья. Так почему вас пришибло?

— Когда она садилась на байк, я увидел её наполовину оголившуюся смуглую спину. Синие джинсы сильно натянулись. И ещё кое-что увидел...

— Кажется, я догадалась, что вы там разглядели.

Бонвиван пригубил вина, а потом продолжил:

— Через неделю, в субботу, в общаге состоялась пирушка — самая обыкновенная попойка, какая случается в любой общаге на выходных. Мы, перваки, уже обжились и познакомились со многими старшаками. В ту ночь пирушка гуляла на пятом этаже — в комнате ребят с третьего курса. Мы их называли тогда третьяками.

— Я знаю. Перваки, втораки, третьяки. Ваша зазноба — четвертак. И ещё пятаки — главные авторитеты, так?

— Верно, Лина Витальевна. И вот — гулянка в разгаре,

и вдруг... в этом блоке появилась компания. И она — среди них. Прибыли четвертаки и пара пятаков — серьёзное пополнение. Они принесли портвейн и сыр.

— Извините, Феликс Михайлович, я ведь не жила в общежитии. Что такое блок?

— Наши жилища были устроены так: коридорчик, туалет с душем, две комнаты — трёшка и двушка. Апартаменты назывались блоком. В коридоре на этаже — кажется, по восемь блоков. Так называемая блочная система.

— Ясно, — покачала головой Лина Горячева. — Превосходные условия для студентов. В каждом блоке — душ и отдельный туалет.

— Эта брюнетка несколько раз промелькнула рядом со мной. Знойная она была девочка — факт, — сказал Негодяев, пристально глядя на зелёные листья пальмы. — Я чувствовал, как от неё исходил невероятный аромат — какой-то пряный запах, кружащий мне голову.

Негодяев столь плотно увяз взглядом в пальме, что Лина невольно тоже покосилась на зелёные листья.

— Ближе к утру гулянка стала сворачиваться. Но потом... один третьяк, Сева Затевахин, достал из закровов добавки. Вскоре я почувствовал себя в открытом Космосе — только без скафандра. Проклятый алкоголь... и всякая дребедень. Я выбрался в коридор, добрёл до общей кухни на этаже. Долго, очень долго стоял возле раскрытой форточки...

Бонвиван прекратил магнетизировать пальму, медленно

проглотил слюну и вдруг замолчал. Воспользовавшись паузой, Лина пригубила вина десятилетней выдержки и снова устала на собеседника.

— Не знаю, сколько я стоял на той кухне, — продолжил рассказ Феликс Негодяев. — Не менее часа, наверное. Занимался рассвет. Мне... стало чуть легче. Я вышел в коридор и побрёл к лестнице. Я был в таком неменяемом состоянии, что совершенно потерялся в пространстве. Мне следовало идти наверх — на шестой этаж. Но я машинально спустился вниз. Подумал, что нахожусь на своей земле, и вошёл в блок.

Внезапно музыка на сцене смолкла — певица и лабухи ушли отдыхать. Негодяев стал говорить тише, словно боялся, что его рассказ донесётся до чужих ушей.

— В нашем блоке я жил в двушке. Подошёл к двери и подёргал ручку — заперто. Я стоял... голова кружилась, тошнота. Я невероятно разозлился на соседа. Подумал: зачем он заперся, кретин? Потом решил зайти в туалет — смочить вспотевшее лицо. Когда ковылял мимо полуприкрытой двери в трёшку... остановился.

Лина почему-то ощутила, как на её живот накатывает волна. Девушка наострила слух — собеседник говорил почти шёпотом.

— Из трёшки доносились странные звуки. Я сделал два шага и засунул свой нос в проём. Была какая-то суета, сумрак. Моя чугунная голова весьма плохо соображала на тот момент. Странные звуки не прекращались. Но вот — тьма

немного рассеялась. Я просунул голову ещё дальше. Догадываетесь, Лина Витальевна, что я увидел... там?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.